

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

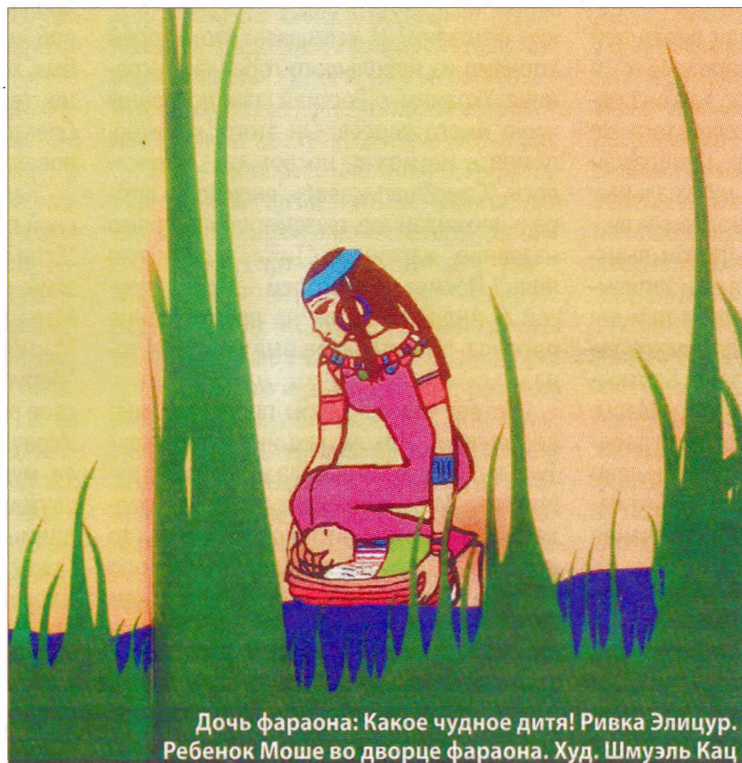
БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ - ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Шуламит ШАЛИТ

Дочь фараона находит в тростнике корзинку с младенцем, и так уж он хорош собой, что она велит принести его во дворец. И холит его и лелеет... Назвала Моше (Моисей) потому якобы, что "извлекла из воды". Глагол "лимшот" именно это и обозначает. Иногда пишут, что образованная была девушка, возможно, знала и иврит...

И фараону малыш приглянулся. Иногда, когда фараонские дела позволяли, играл с ним. Подросток немножко мальчик и зашушукалась свита: ребенок-то особенный, не по возрасту умен. Подозрительно. Придумал фараон для Моше экзамен: к какой чаше потянется малыш, к той, что с золотом, значит, умен и опасен, избавиться от него надо, ну, а если к той, что с горящими углями... Малыш как малыш, тянется к золотым игрушкам да с камнями цветными, но тут будто кто-то свыше направляет его ручку туда, где огонь. Обжегшись, он скорей пальчики в рот, да вместе с угольком, вот и язык сбоку запекся... То ли заикался потом, то ли медлил с ответом, людьми управлять лихо лютое! А без мудрости как поводишь народ по пустыне да еще 40 лет? Но живым тогда мальчик сохранился и вполне здоровеньким. Возможно, назвал бы его фараон "вундеркиндом", если б слово это знал? Вердикт был таков: верно, ребенок необычный, но опасности не представляет, пусть живет...

Вырос Моше и после многих событий да приключений женился, и поставил его тестя пастухом при стаде своем в пустыне Синайской. И овцы тут и козы. Всех жара замучила. Тут один козленок дал деру. Кинулся за ним Моше, и бегут они по пескам, камням да ухабам. Долго сказка сказывается, но будущий спаситель еврейского народа от египетского раб-

ства нагоняет шустрого козлика. И где же? Да на бережке озерца с водичкою... А натекла вода из родничка, что в скалах нашелся. Взял козленка на руки, и вернулись они к стаду. Видел Всевышний, как смотрит за стадом Моше - и кормит, и поит, и обо всем заботится. Подумал и решил, что и народом Его править сумеет...

Библейские истории, библейские сюжеты - чудо дивное, чудо бессмертное. Веками черпал из этой сокровищницы весь мир - ученый люд, писатели, художники, музыканты, да и простые смертные, обогащая ум и улаждая душу.

Еще помнится то время, 1960-1970-е, когда нельзя было ни достать (у кого и была - прятали), ни купить Библию на русском языке, ну, а на каком же еще мы тогда читали, на еврейском? Сколько молодых людей знали идиш, иврит? На английском? Сегодня невозможно в это поверить,

но даже в Москве, в Литературном институте, английский язык изучался факультативно: кто хотел, тот записывался на курс, но ни экзамена, ни зачета... Слова такого, ТАНАХ*, разумеется, не слышали. Восполнить пробел в образовании помогали "Библия для верующих и неверующих" и "Библейские сказания" Зенона Косидовского. Но хотелось оригинала. Мне повезло. Моя подруга Лена Р. работала в некоем комитете, где все печатные издания из-за границы проходили цензуру. Библию, понятно, "изымали", и многие сотрудники торговали такими вот запрещенными для открытой продажи изданиями из "империалистических" бандеролей. Лена работала в отделе на букву "И". Если название книги или альбома начиналось словами "Израиль" или "Иордан", то первой открывала ее она. Но кто-то, работавший на букву "Б", подарил ей Библию, а она передала ее мне. И это была моя первая

Библия на русском языке, маленькая такая книжка с крохотным шрифтом, но вполне читаемым текстом.

Многие из нас начинают жизнь в Израиле так, как если бы все начиналось сначала. Редкие счастливые сразу чувствуют себя дома. Наш ТАНАХ начинается именно с этого слова "Сначала", точнее даже "В начале..." "Берейшит..." от слова "рош" - голова, глава... Отсюда и числительное "ришон" - первый. Во главе, в начале всего... Первая глава Пятикнижия, Торы, начинается с возникновения мира. Побудем в этой главе для улаживания слуха еще минуточку.

В начале сотворил Б-г небо и землю - "Берейшит бара а-алогим (Б-г) эт а-шамаим вэ-эт а-арэц". Чтобы не произносить имя Всевышнего всуе, мы говорим "а-Шем". Земля была пуста - на иврите: "а-арец айта тоху ва-воху" - это выражение "тоху ва-воху" означает хаос, оно широко употребляется и сегодня. И так, царили пустота и хаос. И тьма над бездною. Дальше спорно - "руах" - это и дух, и ветер, так что иногда переводят ветер Б-жий, то есть Его, "а-Шема", носился над водой, а иногда - дух...

А теперь к теме нашего разговора: некоторые библейские сюжеты в изложениях израильских писателей - для детей и... репатриантов, потому что книги написаны на легком иврите, а мы перескажем по-русски.

В одной книжке о сотворении мира (автор - Двора Омер) сказано: "дул черный ветер, дул и завывал, вечная мгла или тьма - хошех ле-олам", причем эти два последних слова графически написаны примерно так: ХООООО... ШЕХ ЛЕ-ОООООЛАМ. Дети любят это изображать: накроются чем-нибудь темным, понизят голос и начинают махать руками и завывать это ОО... Точно как привидения... И радости через край!..

А Левин Кипнис начинает свой рассказ в ином тоне, лирически:

"Давным-давно, давным-давно ничего не было на свете: ни людей, ни птиц, ни хищных зверей, ни домашних животных. Не было ни одного ростка, ни одного цветка. Мир был полон воды, много-много воды. И темно было, тьма без конца и края.

Сказал Б-г: "Ихье ор!" - "Да будет свет!" Свет был большой, просто огромный, так что мрак испугался и удрал. А потом он вернулся и напал на свет: "Убирайся отсюда!" Тогда убежал свет, но и он вернулся и кинулся на мрак: "Это ты убирайся!" Был свет и был мрак, был свет и был мрак, и вот тогда разделил Всевышний свет и мрак, свет и темноту. "Днем, - сказал он, - пусть будет свет, а ночью - тьма, темнота". И стало так. И был вечер и было утро. День один.

Далее последуют день второй и третий, но про первый день не сказано, что он первый, а именно один. Всего-то и было миру день один... Всего-то и был на свете он один. Чудесно! И такая форма подачи начальных, по крайней мере, глав ТАНАХа, детей волнует сказочностью, а взрослых красочностью текста и доступностью его: даже для начинающих учить иврит. Потому и классика, что умно, просто и талантливо.

Дети всего мира воспитываются на сказках, и на народных, у которых нет автора, и так называемых художественных, авторы которых известны. Вспоминал как-то Уриэль Офек, учитель, исследователь, писатель, отдавший всю свою жизнь детям и детской литературе (он умер в 1987 году, далеко не старым, ему было чуть за 60, курс детской литературы на иврите я с наслаждением изучала "по Офеку"). Он вспоминал, как однажды на родительском собрании одна молодая мама сказала: почему мы рассказываем детям сказки далеких стран, например, про девочку, которая пасла гусей в какой-то северной стране, когда мы можем рассказать о пастушке Рахели, пасшей стадо у Лавона, или о Моше-Моисее, тоже ведь пас стадо, пока не стал пророком, ведь у наших мудрецов и в нашем ТАНАХе все есть, в том числе и пастухи и пастушки...

Представьте себе, подобные споры, что именно читать детям - сказки о ведьмах, людоедах, переселении душ или наши библейские легенды, истории, описанные в древних и не очень древних источниках, бушевали еще не так давно на страницах специальных педагогических журналов.

Белла КЕРДМАН

ДВА ХАСИДА

"Хасид". Ксилография Рафаэля Хволеса

"Хасид" Андрея Уварова

Нам, газетчикам, далеко не всегда известно, "как слово наше отзовется". В доинтернетные времена так называемая обратная связь как-то выстраивалась: читатели писали, звонили, даже запросто приходили в редакцию. Сейчас не то. Мало кто из читателей возьмется за перо (пусть за кейборд), чтобы письменно выразить свое отношение к тому или иному тексту. Послать e-mail сообщение, позвонить автору? Не выйдет: редакция ни адрес его, ни телефонный номер не выдаст. Что, возможно, правильно. А главное, наш читатель в разы сократился числом и вырос возрастом.

Но вот я слышу в трубке незнакомый женский голос, явно ликующий: прорвалась! Спустя несколько дней телефонного знакомства уже знаю: она, Мэра Свездлова (96!), не могла не прорваться - не тот характер. После отказа редакции и путаной информации справочной безека, обратилась к Нинели Воронель - только и делов оказалось! Попутно я выясняю, что Мэра дружна была с мамой нашей известной писательницы. Более того, Неля и Александр Воронель в 1978 году встретили в аэропорту Израиля и приютили на первых порах 22-летнюю дочку этой моей виртуальной собеседницы, а спустя год и ее самое. Много чего еще интересного выяснилось в наших беседах именно попутно, ибо поводом для знакомства и темой разговора был... портрет пляшущего хасида, висевший у нее на стене.

Начну с того, что эта женщина заинтересовалась моей статьей, посвященной широко простертому в пространстве и времени клану Хволесов, которую прочла в одной из русскоязычных газет. Напомню статистику этого клана. Численность его (считая породненных с Хволесами лиц) составляет сегодня: 873 человека в Израиле, примерно 300 в США, около 60 в Австралии, 50 в Москве. Семеро из этого рода остаются в Грузии, в их числе почтенный математик Абрам Файн, вернувшийся в Тбилиси из зарубежья. В составе представительной "мишпухи" 15 докторов наук, большинство из которых (11 человек) проживает в Израиле. Напомню также, что в ноябре 2006 года в нашем кнессете состоялась удивительная презентация: ее объектом была новая грузинская почтовая марка. По вертикали листа из 10 марок с обеих сторон, по-грузински и по-английски, надпись: "Рабби Авраам Хволес". На презентацию прилетел сам тогдашний президент этого государства - Михаил Саакашвили. Из его речи стало ясно, как почтовая марка с портретом старого еврея соединила Тбилиси и Иерусалим, собрала вместе с официальными лицами обоих государств потомков раввина. "Хволес был не только лучшим представителем еврейского народа, но и одним из лучших представителей грузинского общества", - сказал тогда Саакашвили. Об этом событии я писала в то время в "ЕК".

Моя виртуальная собеседница рас-

сказывает, что автор висевшей перед ней черно-белой картины размером 45 x 70 см художник Рафаэль Хволес. Как она полагает, один из представителей того же клана, о котором писала я. Изображен пляшущий хасид на фоне музыкальных инструментов. В правом верхнем углу - несколько слов на иврите (потом выяснится, что на идише). Слушая ее и записывая любопытную информацию, я то и дело поглядываю на своего пляшущего хасида: он слева от меня на стене. Картина примерно того же размера, что у Мэры, только в цвете. И поскольку об этой работе я могу писать уже, а рассказ Мэры явно потребует больше места-времени, то начинаю статью, не дожидаясь окончания нашей двухнедельной беседы.

...Увидела его в одесском салоне "На Уютной" - и рот до ушей. Хорош! Местечковый фантазер и философ в ермолке и красном кургузом жилете, в гетрах и лакированных башмаках на толстенных ножках парит, раскинув ручки, меж облаков над холмом с покосившимися домишками. Имя автора картины - Андрей Уваров. Мы с приятельницей попросили немного придержать парящего толстяка в намерении его купить. Я еще пару раз забежала в салон им полюбоваться, и вдруг "хасид" оттуда исчез. Купили, сказала хозяйка. Кто?! Да та же подруга моя, оказывается. И ни слова мне не говорит. Знала же, что я эту работу для себя присмотрела! Я на нее обиделась, но не стала выяснять отношений - к чему ссориться перед отъездом (да, мне вскоре предстоял выезд на ПМЖ в Израиль). Как вскоре выяснилось, она эту картину мне в подарок купила - ведь уезжаю "туда".

На обороте холста мы увидели не только имя художника, а и адрес его и телефон. И я позвонила по этому телефону, спросила, откуда у русского человека та-

кие фантазии? И услышала, что Андрей корнями из небольшого городка на границе Украины с Россией, там до войны жило много евреев. Он этого, конечно, помнить не может, но вот же - написано. "Само" написано, видимо, у автора и неожиданное, оксюморонное прямо название картины: "Тиха украинская ночь"! Посмеялись втроем - мы с подругой и Андрей Уваров на другом конце провода. На календаре был май 1994 года.

Но вот внучка Мэры переслала мне ее "хасида". Что за техника - рисунок? Тушью, гуашью? Уточнила у одесского художника Игоря Божко, с которым поддерживаю связь: это ксилография, то есть печать с резьбы по дереву. Судя по нескольким словам на идише в верхнем углу картины, возможно, изображен хабдник. Многие из нас, русских евреев, знают веселую песенку про ребе Элимелеха. Когда он веселится, то снимает с себя "талес", надевает очки, приглашает двух скрипачей и начинает танцевать. Веселье нарастает, он посылает за двумя цимбалистами и т.д. - собирается целый еврейский оркестр. Кто-то считает ее народной, кто-то называет предполагаемого автора. Между прочим, Леонид Утесов эту песню знал, она ему нравилась. Но какой может быть "реб" в Стране Советов? И Леонид Осипович, заменив имя действующего лица, с успехом исполняет по-русски про песню "дядю Элю", даже пластинка была выпущена перед войной. Начинался "Дядя Эля" так:

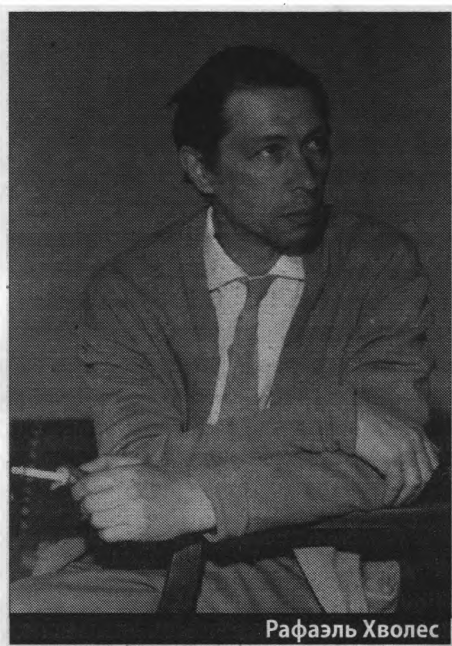
*Если добрый дядя Эля
в сердце чувствовал веселье,
в сердце чувствовал веселье
дядя Эля,
он снимал свой скюртученка,
надевал на лоб шапчонку,
вызывал к себе тогда он тогда скрипачей...*

Вот это мы и видим на картине Рафаэля Хволеса. Так что у Мэры, может быть, приверженец двора Любавичского ребе, а у меня - хасид другого двора, не знаю, какого. Правда, я не видела хабдников в подобном одеянии в Кирьят-Малахи, одном из центров их массового поселения, куда часто ездила в середине 90-х... Поискала в Интернете - там мужское платье ("галабия") отнесено к арабскому "прикиду". Однако замечено, когда-то "симлу" носили и еврейские мужчины.

Мои дилетантские представления об иудаизме отмечают и более существенное несоответствие. Известно, что художник Рафаэль Хволес, как и "мой" Хволесы, о которых писала, корнями из Литвы. А "литваки" долгое время вообще не признавали хасидизма, остро конфликтовали с ним. В их традициях религиозный еврей должен учить Тору и строго соблюдать заповеди, не приводя себя в экстатическое состояние пением и танцами, что легкомысленно. Впрочем, Рафаэль был человеком явно светским - художник ведь! К тому же он полжизни прожил во Франции и несколько лет в СССР. Да и предок "моих" Хволесов - человек с грузинской почтовой марки, досточтимый рабби Авраам был, хоть и "литвак", но вполне религиозно терпимый, как и его учитель рав Спектор, который говорил: "Тора для человека, а не человек для Торы".

Картина у Мэры - подарок от израильской подруги, светлой памяти Оли Прайс. "Если охарактеризовать ее одним словом, этим словом будет "доброта", - говорит Мэра. Они дружили втроем, третьей была Мария Штарк, которую называли "Иерусалимский соловей" - она, диктор, в свое время блестяще вела на радио "Коль Исраэль" программу на русском языке. А ее муж, доктор Евгений (Иешуа) Штарк служил начальником Иерусалимского медицинского округа. Муж Оли, Миша Прайс, тоже врач, как и сама Оля, был выдающимся спортсменом. Евгений и Миша дружили с детства, учились в одной еврейской, а затем еврейско-немецкой гимназии, хорошо владели несколькими иностранными языками. Насколько хорошо, видно из рассказанного Мэрой эпизода. Уже действовал пакт Молотова-Риббентропа, то есть Польшу делили Советы и Рейх, когда Миша Прайс отправился в Берлин в намерении спасти душу своего школьного приятеля. Попытка не удалась, но проверку эсэсовского патруля в поезде он прошел спокойно, благодаря нейтральной внешности, а главное - безупречному немецкому языку. Обе семьи - Шторки и Прайсы, совершившие алию в 1971 году, занимали один небольшой особняк в Иерусалиме. И стены их квартир были увешены работами Рафаэля Хволеса, с которым их связывала старая дружба.

Во время нашего телефонного диалога с Мэрой я записала немало любопытных эпизодов из ее личной биографии, а также биографий ее новых друзей; возможно, кое-что перескажу, если к тому "карта ляжет". Но прежде - о художнике

Рафаэль Хволес

Хволесе. Сразу замечу, что пока мне не удалось выяснить его родства с кланом человека с грузинской марки. Обращение к Арнольду Левину, летописцу клана, проживающему в Америке, ничего не дало: в его хрониках таковой не значится. Однако существует мнение, что все Хволесы, тем более родом из Литвы, состоят между собой в родстве. Надо искать.

Итак, Рафаэль Хволес (иногда его называют Рефаэлем, иногда - Рафалом). Он родился в 1913 году в Вильне, умер в 2002-м в Париже. Некоторые искусствоведы считают его еврейско-французским художником, некоторые еврейско-литовским. Основа как общего, так и специального образования Рафаэля была заложена на родине: в хедере, в еврейской гимназии, на частных уроках художников Моисея Лейбовского, Бера Залкинда, на вечерних занятиях Школы художественных ремесел. В 1933 году состоялся его дебют там же, в Вильне, на выставке молодых художников. А два года спустя его работа "Бездомный мальчик" была удостоена награды за лучший портрет. Накануне войны (вспомним, что город Вильно и Виленский край удерживала Польша) в родном городе состоялась первая персональная выставка Р.Хволеса, на которой он показал около ста (!) картин. Считается, что ни одна из них не сохранилась, однако, возможно, где-то, что-то, когда-нибудь... Когда в Польшу вслед за немцами вошли Советы, Р.Хволес стал директором школы изобразительного искусства при Доме народного творчества в городе Вилейке, теперь уже белорусском.

Случай помог ему уцелеть, когда началась немецкая оккупация советского запада: он в тот момент находился в Минске и успел эвакуироваться. А его беременная жена бежать из Вильнюса не успела. Она погибла, как и родители и сестры Рафаэля. Созданный им после войны цикл работ "Вильнюсское гетто" является уникальным художественно-историческим и этнографическим документом, - читаем в Интернете. Сегодня дом на улице Тилто в Вильнюсе, где Рафаэль Хволес проживал в 1944-1956 годах является туристическим объектом, на нем установлена мемориальная доска.

Воспользовавшись, как почти все польские евреи, возможностью покинуть

Ривка Хволес-Лихтенфельд

СССР, художник в 1959 году эмигрировал в Польшу, где много и успешно работал, в частности иллюстрировал еврейские книги. Там состоялось несколько персональных выставок Рафаэля. Он получает возможность посетить Испанию и Марокко, где делает зарисовки синагог, набрасывает портреты евреев-сефардов.

И все бы нормально, если бы не государственный антисемитизм, накрывший Польшу в подражание "большому брату" - СССР и побудивший художника, уже с мировым именем, навсегда покинуть родные места: в 1969 году он эмигрирует во Францию, поселяется в Париже. И продолжает много и результативно работать именно как художник еврейской темы. Участвует во многих выставках по всему миру. Часто наезжает в Израиль, где поселились в начале 50-х две его сестры, уцелевшие в Холокосте. Одна из них, недавно ушедшая из жизни в возрасте 89 лет Ривка Хволес-Лихтенфельд, стала известной художницей, чьими работами брат мог гордиться.

Последние прижизненные выставки Рафаэля прошли в Мемориале "Яд ва-Шем" и в кибуце "Лохамей а-гетаот". Он был удостоен премии им. Ицика Мангера за заслуги в области сохранения культуры идиша. Витраж "Память", выполненный по проекту Р.Хволеса, установлен в доме-музее Шолом-Алейхема в Тель-Авиве.

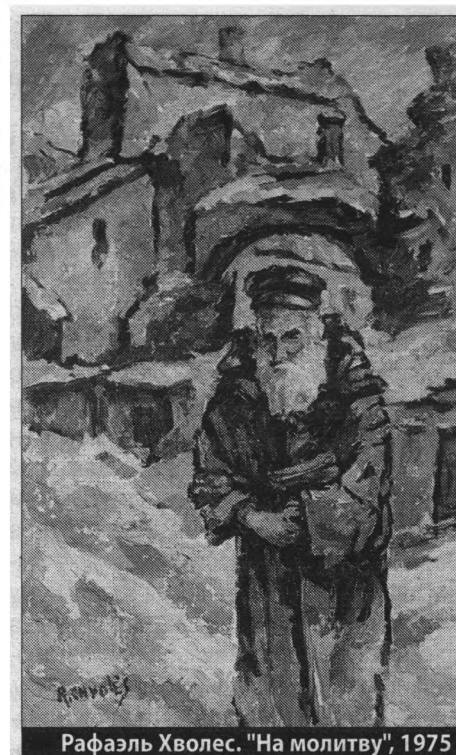
Очередной звонок Мэры. Сообщает, что только что ей удалось поговорить с доктором Евгением Штарком, уже 92-летним, но сохранившим прекрасную память. Так вот, оказывается, существуют две книжки, обе с тем же названием: "Рафаэль Хволес". Одна издана в Тель-Авиве на французском и идише, автор - Шломо Бейлас-Рейлис; вторая, написанная на идише Авромом Суцкевером, - в Вильнюсе. В библиотеке Е.Штарка есть обе.

Благодаря старым друзьям - Нинели и Александру Воронелям, которые встретили и поселили на первых порах у себя дочь Мэры, а затем и ее, а также новым - Ольге и Мише Прайсам, Маше и Евгению Штаркам, абсорбцию свою она называет

"люкс". Хотя в Ленинграде, откуда ей предстоял "исход", все начиналось неудачно. Развелась с мужем, который уезжать не желал. Когда сказала дочке, выпускнице Полиграфического института, о намерении переселиться в Израиль, в ответ услышала: "А у меня уже вызов есть, подпиши разрешение". Пришлось подписать, хотя девочка никогда еще из дому одна не выезжала. Но мать надеялась, что в ОВИРе ее не пропустят. Пропустили! Мэра, в ту пору доцент ленинградского филиала того же Московского полиграфического института (где она проработала 22 года), заторопилась с выездом. Проработку на собраниях коллег приняла равнодушно, в ответ на предсказание: "Будете там улицы подметать" пообещала честно написать, как все у нее сложится на самом деле. На беду, в толпе у голландского посольства в Москве, переданная через головы виза до Мэры не дошла, кто-то присвоил, и пришлось начинать новые хлопоты. Благо голландский посол вошел в положение, помог решить проблему.

Зато в Израиле сразу пошла удача. Приехал муж, оформили новый брак - под хупой. Ее, кандидата наук с дипломом МГУ, тогда 58-летнюю, приняли на работу - на исторический факультет Еврейского университета. В основном она работала в библиотеке с документами, многие из которых были на немецком языке, которым Мэра владеет. Занималась темой русского еврейства между Первой мировой войной и Октябрьской революцией. Получили с мужем "амидаровскую" квартиру в Иерусалиме. И у дочери, поселившейся в Реховоте, все сложилось нормально: приступила к работе, вышла замуж, родились дети - девочка и мальчик...

В заключение - еще пара эпизодов, записанных за Мэрой. В Харькове, где она тогда жила, была у нее подруга Алеся, родом из Галиции. В пору сталинских репрессий однажды ночью родителей девочки арестовали, квартиру опечатали. На появившуюся у знакомой двери Мэру соседка замахала руками, сказала шепотом: "Уходи скорее, пока и тебя не забрали!". Но она, в 14 лет оставшаяся без роди-

Рафаэль Хволес. "На молитву", 1975

телей, удочеренная дядей и теткой, была не робкого десятка. Мэра отправилась выяснять, где подруга, прямо в ГПУ. Уговорила солдата на входе, и тот "на одну секунду" разрешил ей шмыгнуть к четвертому окну. Там сказали: "...родителей - в ссылку, детей - в детдом по адресу... быстро уходи!". Она поехала трамваем на окраину города, потом долго шла пешком. Нашла тот детдом. Выяснила, что детей (у Алеся были братик и сестричка) отправляют в разные детдома, а саму ее, 16-летнюю - в колхоз. Мэра и колхоз тот нашла, и с подругой связалась по единственному в конторе телефону. Однажды узнала, что той грозит беда: несколько юных механизаторов собираются ее, "дочь врагов народа", изнасиловать. Правда, один из них в Алеся влюблен, предлагает руку и сердце, а тогда уж - и полную защиту. Что делать? И что же советует Мэра? Спросить, прочитал ли тот жених "Два капитана", наш в ту пору бестселлер! Разумеется, не читал, но Алеся за того деревенского парня с трехклассным образованием, пошла. И Мэра от подружки отказалась. Вот такая она была максималистка в юности! Да только ли она...

А вот небольшой эпизод, который Мэра запомнила из рассказов своих друзей Штарков. Они получили разрешение на выезд в Израиль в 1971 году. Ехали через Брест. Там советская таможня велела распаковать контейнеры для контроля. Рылись, швыряли тщательно сложенные вещи. Обнаружив пианино, спросили, играет ли кто из семьи или инструмент предназначен для "спекуляции". Да, играет сам хозяин, доктор Евгений Михайлович Штарк. Решили проверить. И тогда он сел за пианино. А на станции, через пути, шел виадук. Стоявшие на нем местные патриоты кричали, что жида грабят, вывозят советское добро за границу. Но вот доктор Штарк заиграл... и что? "Хава нагила". И люди на мосту стали танцевать. И желать уезжающим доброго пути и удачи.

Я записала за Мэрой немало и других интересных историй. Но у нас ведь темой художник Рафаэль Хволес...

ИУДАИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ

Ханох ДАШЕВСКИЙ, Иерусалим

Нет никакого сомнения в том, что именно религиозная традиция сохранила еврейский народ. Уникальность этого явления должна быть удостоена пристального внимания, потому что феномен двухтысячелетней еврейской диаспоры не мог бы состояться без цементирующей основы иудаизма. И хотя за сохранение еврейской идентичности выступали также движения, стремившиеся к светскому образованию и светской культуре, а в дальнейшем либо к культурной автономии, либо к национальному государству, современная еврейская история показала, что даже в условиях свободы и независимости еврейское самосознание не может существовать без образующего религиозного стержня. "Еврей без Бога как-то немислим; еврея без Бога и представить нельзя", - писал в свое время Ф.М.Достоевский в отнюдь не самой благожелательной по отношению к евреям статье "Еврейский вопрос".

К моменту вхождения населенных евреями польско-литовских земель в состав России и образования черты оседлости перешедшие под российское подданство евреи были крепко спаяны многовековой традицией, регламентировавшей каждый шаг религиозного иудея. И хотя в середине XVIII в. единство евреев Восточной Европы было нарушено возникновением нового течения - хасидизма, расхождения между хасидами и их противниками "митнагдим" проявлялись, прежде всего, в различном подходе к изучению Торы и не касались общей для всех обрядовой стороны иудаизма. Хасиды с их пламенной верой и склонностью к мистике в течение короткого времени оказали огромное влияние на те еврейские общины, которые понесли колоссальный урон в XVII-XVIII вв., во времена казачьих мятежей. Разгромленные евреи Украины получили новый импульс, свежую струю нестандартного подхода и новых толкований. Хасидизм охватил и часть Белоруссии, но в Литве, старинном оплоте иудаизма, сохранились позиции митнагдим. Хотя еврейское общество было потрясено разладом, окончательного раскола не произошло: со временем страсти улеглись, противоречия сгладились, и к середине XIX в. века российское еврейство уже находилось перед новой опасностью, угрожавшей разрушить традиционный уклад, стабильность которого обеспечивалась тем, что никакое внешнее влияние не должно было его коснуться.

Опасность для традиционного еврейского общества представляло движение еврейского Просвещения - Гаскала. Те, кто стояли у его истоков, не ставили перед собой радикальные задачи и не призывали оставить иудаизм. Их

целью было просвещение, которое они рассматривали как сближение еврейского общества с европейской культурой. Но на родине Гаскалы, в Германии, ситуация довольно быстро вышла из-под контроля. С одной стороны, начался отход от еврейства и волна крещений (крестились даже потомки духовного лидера Гаскалы Моше Мендельсона), а с другой - на волне стремления к иудаизму с "человеческим лицом", проще говоря, с христианским оттенком, уже в первой половине XIX в. возникло реформистское движение в иудаизме. В России, где эпоха Просвещения началась позже, успехи сторонников Гаскалы, так называемых "маскилим", были более скромными, потому что они противостояли, прежде всего, хасидизму, и в этом противостоянии шансов на успех у них было мало.

Если в литовском еврействе порой звучали иные голоса, и даже сам знаменитый Элиягу - Виленский Гаон высказывался в пользу изучения светских наук и грамматики иврита, то с точки зрения хасидов и то, и другое было под запретом. Учить надо было "хасидус": переработанную и пересказанную главой хасидской общины версию Каббалы, а священный язык молитвы нельзя было склонять и спрягать в повседневной жизни: для этого существовал народный язык - идиш. Но "просветители" использовали иврит. Именно они стояли у истоков возрождения иврита в качестве литературного языка, и в этом их несомненная заслуга. Они писали на "библейском" иврите исторические поэмы и романы, стремясь напомнить евреям о славной и трагической еврейской истории, и красивые стихи со звучными рифмами:

*Что свод полуночный, луной озаренный,
В сравнении с глаз твоих*

сумраком звёздным?

Что розы долин, ароматы Левоны?

С твоим ли сравнятся

дыханием росным?

Твой взор - первозданного света отрада,

А лик - отражение Божьего сада.

*И пусть не бела, будто снег, твоя кожа,
И лоб не сияет небесной печатью,
Пусть ты румянцем с зарёю не схожа,
И с ланью стремительной*

видом и статью -

Под тяжестью будней

цветёшь ты упрямо,

Не зная порока, не ведая срама.

Й-Л.Гордон, "Хана", пер. автора очерка

"Маскилим" сравнивали бывшее величие Израиля с его нынешним угнетенным положением. Выход из него они видели в том, чтобы сломать стены "внутреннего гетто", которое создал, по их мнению, связавший народ "бездушным" обрядом ортодоксальный иудаизм. Но они вовсе не хотели, чтобы с российским еврейством произошло то же, что с их немецкими собратьями, которые, надев европейскую одежду, забыли веру отцов.

Малочисленность сторонников Гаскалы, их неспособность оказать серьезное влияние на цепко державшуюся за традиционные устои еврейскую массу, привели к тому, что некоторые из них стали искать поддержку у потенциальных союзников - царских властей. Последние с подозрением относились к евреям и, подобно "маскилим", считали необходимым способствовать "нормализации" этого странного и во многом непонятного народа. Предпочтение отдавалось переходу в православие, но и принудительные реформы, способные повлиять на "остановившееся во времени" еврейство, применялись царским правительством и приветствовались "маскилим", ибо все, что могло встряхнуть евреев и вывести их из "тьмы к рассвету" выглядело прогрессивным в глазах "просветителей". Все, кроме крещения. Это была "красная черта". Переступить ее были готовы немногие.

Первые российские "маскилим" сами придерживались традиций и стремились к созданию некоей разновидности "просвещенного" иудаизма. Их лозунгом было: "Тора вз-хохма" ("Тора и мудрость"). Тора и мудрость, или вера и разум, учили они, не противоречат друг другу, так как прои-

стекают из одного и того же Божественного источника. Они дополняют друг друга, ибо вера без разума часто переходит в суеверие, но и разум, не ограниченный верой, опасен. В этих рассуждениях не было прямой опасности для национально-религиозных устоев, но традиционное еврейство не могло их принять. Российские "маскилим" с крайним неодобрением относились к эпидемии крещений в Германии и соседних странах, и, в отличие от многих последователей Мендельсона, не помышляли о переходе в христианство. Они были идеалистами и считали, что только косность и подозрительность мешают еврейскому обществу прозреть. Они были убеждены: как только евреи поймут, что в изучении светских наук нет опасности для религии и не станут противиться реформам, которые царское правительство навязывает им для их же блага, то завтра все чудесным образом изменится, и обновленное еврейство обязательно получит равные со всеми права.

Полные благих намерений "маскилим" не понимали, что в условиях рассеяния и подчиненного существования еврейского народа только та непоколебимая вера, которую они считали суеверием, способна оградить евреев от ассимиляции и сохранить в чистоте духовный корень еврейства. Последователи Гаскалы не могли до конца осознать, что никакой "прогрессивный" иудаизм, основанный на разуме, не сможет так подпитывать национальное самосознание, как свято оберегаемая раввинами вера отцов. Открывая местечковым евреям дорогу к светской культуре, стремясь изменить традиционный образ жизни, просветители выпускали на свободу нечистых духов разложения и сомнения и, не желая того, открывали дорогу ассимиляции. И религиозное еврейство должно было сплотиться, чтобы дать отпор как собственным вольнодумцам, так и стараниям правительства "улучшить" нравственное состояние евреев.

Получив волею обстоятельств огромное количество новых подданных, госу-

дарственные умы России уже в начале XIX в. стали разрабатывать различные проекты еврейского законодательства, призванного способствовать превращению "ленивых тунеядцев", каковыми считалось большинство евреев, в "полезных тружеников". Реформы внедрялись методом "кнути и пряника", но ни то, ни другое не давало должного эффекта. За исключением незначительного числа "просвещенных", еврейское общество до 50-х гг. XIX в. оставалось замкнутым и плохо поддавалось внешнему влиянию, что заставляло прибегать к принудительным и даже жестоким мерам в виде, например, учреждения особого института малолетних солдат-кантонистов. Власти практиковали выселение евреев из сельской местности, что многие семьи лишало пропитания, запрещали носить традиционную еврейскую одежду, внедряли казенные школы для евреев, где преподавали учителя-христиане. Были учреждены казенные раввинские училища для подготовки "прогрессивных" казенных раввинов, призванных составить конкуренцию "невежественным" раввинам городков и местечек. Все эти меры вызвали глухое, но массовое сопротивление в еврейской среде.

В критической ситуации, когда сразу три фактора - давление царских властей, деятельность "маскилим" и, как следствие, опасность отхода от традиционного образа жизни - грозили расшатать могучий ствол иудаизма, его защитникам требовалась максимальная концентрация духовного потенциала, чтобы ответить на вызов меняющейся действительности. В первых рядах занимавшего оборонительные позиции религиозного еврейства находились хасиды со своими "адморами" (аббревиатура "адонейну, морейну, вэ-рабейну" - господин наш, учитель и наставник), среди которых были рабби Исроэль из Ружина, рабби Хаим из Цанса, Яков Ицхак ("Святой еврей"), рабби Шломо из Карлина, великий каббалист рабби Менахем Мендл из Коцка и другие. На конец XVIII и начало XIX вв. пришлось деятельность легендарных Леви Ицхака из Бердичева и рабби Нахмана из Брацлава. В Белоруссии набирало силу движение ХАБАД. Не осталось в стороне литовское еврейство: ученик Виленского Гаона рав Хаим из Воложина основал знаменитую Воложинскую иешиву. Другой знаменитой "литовской" иешивой была иешива в местечке Мир.

В середине XIX в. среди "литваков" начало распространяться учение рава Исраэля Липкина (Салантэра) "мусар" (мораль, нравственность), где акцент делался на морально-этической составляющей иудаизма. "Мусар" должен был стать ответом хасидизму и Гаскале, важным подспорьем в борьбе за сохранение традиций, за души евреев. Наиболее передовые "мусарники" понимали, что определенные изменения нужны, призывали, помимо этических правил, тщательно соблюдать личную гигиену, допускали ношение современной одежды и менее схоластический подход к изучению Талмуда. Но тяжелое экономическое положение "черты", когда во внутренние губернии

России евреев не допускали, а ограниченная территория их прокормить не могла, вело к тому, что в местечках скапливались массы обнищавших, перебивавшихся случайными заработками, либо живущих на подаяние, лишенных надежды людей. Их нужно было удерживать в патриархальных рамках, внушать им, что только приход избавителя Машиаха, который чудесным образом перенесет евреев в Святую землю, решит все проблемы, а пока долг еврея - молиться и следовать заветам отцов, а не пытаться изменить что-то самим.

Но "маскилим" призывали снять длиннополый кафтан, изучать светские науки и приблизиться к образу жизни неевреев. По их мнению, это должно было открыть евреям дорогу в цивилизованное общество, вывести из грязного и нищего гетто. "Будь человеком на улице и евреем дома" - таков был лозунг, выдвинутый одним из наиболее популярных вдохновителей Гаскалы поэтом Йегудой Лейбом (Львом Осиповичем) Гордоном. Быть человеком означало стать как все, но для традиционного еврея это было неприемлемо. Духовные лидеры убеждали, что лучше терпеть угнетение, чем изменить традициям и приобрести нееврейский вид. Подавляющее большинство с ними соглашалось. Но в какой-то момент в незыблемой, казалось бы, ограде стали появляться трещины. С воцарением Александра II общероссийская либерализация коснулась и евреев, не только принесла облегчение еврейскому обществу в целом, но и осуществив многие мечты просветителей.

Хотя царь-реформатор отказался ликвидировать черту оседлости ("Пока нравственное состояние евреев не позволяет, я с этим никак не согласен", - заявил Александр II приближенным), были отменены полицейские указы прежнего императора Николая I, и, прежде всего, ликвидирован институт кантонистов. Определенным категориям евреев: богатым купцам, ремесленникам высокого класса, имевшим официальное цеховое свидетельство, медицинским специалистам и лицам с высшим образованием, а также отставным солдатам было разрешено селиться во внутренних губерниях России. Целью такой политики было выделить из общей еврейской массы и поощрить людей "полезных по богатству, мастерству и образованию". Был отменен циркуляр, запрещавший принимать евреев на государственную службу. В России происходила промышленная революция, открывались фабрики и заводы, банки и акционерные компании, и для многих евреев появилась возможность проявить свои деловые качества, способности и умение. В считанные годы доля успешных евреев в промышленности, строительстве и торговле возросла многократно, вызывая недовольство и зависть христиан-конкурентов.

Новые идеалы и веяния, господствовавшие в русских либеральных кругах, проникли даже в глухие закоулки патриархального еврейского мира и были с радостью восприняты искавшей применения своим возможностям еврейской мо-

лодежь. Идеи "маскилим" оказались востребованы, но их последователи разделились. Одни продолжали, на иврите и на русском, отстаивать национальную культуру, другие, увлеченные новым порывом, встали на путь русификации. Укрепились позиции тех, кто считал, что надо писать на "жаргоне" - языке народных масс, языке идиш, чтобы сделать литературное слово доступным для простого народа. Образовавшееся расслоение стало основой для последующего появления в еврейском обществе сторонников ассимиляции, национально-культурной автономии и воссоздания еврейского государства. Общим у всех было отрицательное отношение к "мертвой" букве религиозного учения и традиционному жизненному укладу. Это стало массовым явлением. Ученики оставляли еврейские школы и переходили в гимназии, стремясь попасть в университеты. Процентной нормы в тот период не было, и правительство поощряло стремление евреев к общим наукам. Как тесто на дрожжах, поднималось количество евреев в высших учебных заведениях России. Один из убежденных сторонников Гаскалы и ассимиляции, писатель Лев Леванда, с восторгом отмечал: "Все учатся, все жаждет образования... Какое прилежание, какое соревнование!"

И все же, большая часть евреев не утратила здорового национального чувства и, продолжая придерживаться еврейского образа жизни, отправляла детей в хедеры и иешивы, подальше от соблазнов нееврейского мира, который не требовал соблюдать скрупулезные предписания, исключавшие светскую литературу, театры и развлечения, и где, по уверениям "просветителей"-оптимистов, русское общество готово было принять как брата образованного еврея. Но агитация ассимиляторов представляла очень серьезную угрозу и воздействовала на стремившуюся вырваться из местечка еврейскую молодежь таким образом, что встал вопрос, который только во времена массовых гонений вставал перед евреями: будет ли следующее поколение еврейским.

Это не был обычный конфликт отцов и детей - речь шла о судьбе народа. Теперь уже не только религиозные отцы семейств, но и сами постаревшие "маскилим", с такой надеждой жаждавшие образования, но желавшие оставаться евреями, боролись за национальное самосознание своего потомства. Как всегда в минуту опасности, пришли в движение защитные силы еврейской души. Но задача, которая стояла перед ревнителями традиций, требовала мужества и нестандартных решений, и, если первого было достаточно, то второе встречало многочисленные препятствия, основанные на запрете вносить изменения в освященный веками уклад. "Эйн хадаш ба-Тора - нет нового в Торе" - этот завет одного из наиболее почитаемых мудрецов, Хатам Софера, соблюдался свято.

Неблагоприятное для противников ассимиляции положение усугублялось тем, что и в образованном русском обществе под влиянием прогрессивных ре-

форм стали проявляться новые настроения. Традиционный образ "жида", бессовестного и продажного, внезапно поблек в глазах некоторой части русской интеллигенции. В 60-е гг. XIX в. заступиться за евреев могли не только либералы, но и отдельные представители консервативного лагеря, в юдофилии не заподозренные. Под влиянием новой, гуманной политики царя-освободителя в первые годы его правления изменился сам тон российской печати, проявившей к стремившимся полностью влиться в нееврейское общество сынам Израиля интерес и сочувствие, что придавало сил адептам русификации. И процесс пошел, пошел полным ходом. Богатые и образованные евреи заселяли Москву и Петербург, становились во главе банков и компаний, были все более заметны в газетах и судах, земских учреждениях и больницах, занимали выдающееся место в искусстве. По мере того, как все это происходило, возвращалась подозрительность русского общества, замешанная на страхе конкуренции и простом нежелании иметь вокруг себя все растущее количество раскованных, приобретающих влияние, вчерашних обитателей убогих местечек.

Складывалась противоречивая ситуация: интересы еврейских и русских традиционалистов, не желавших драматических изменений, объективно совпадали, при том что русские "державники" были убежденными противниками еврейского равноправия. Но евреи-ассимилянты, как уже случалось в длительной еврейской истории, не замечали назревающих тревожных симптомов и упивались открывшейся возможностью сбросить с себя груз "забот иудейских". Уговаривая себя и друг друга, что братство и любовь вот-вот воцарятся в мире, многие из них уже не видели никакой необходимости сохранять еврейское самосознание. Тенденция нарастала, ее отчетливо осознавали как религиозные деятели, так и остававшиеся на национальных позициях просвещенные евреи. И все же отчаиваться было рано: роман между русским обществом и стремившимися в него евреями не состоялся. Призыв "Пойдем и будем, как все народы" не сработал и в этом случае. Отпечаток, наложенный иудаизмом, вечное еврейское клеймо, не позволял даже выкрестов считать полноценными православными. "Жид крещеный, что вор прощенный". Объятий не получалось.

Местечковые евреи, надевшие фрак, вызывали отвращение и отторжение. Финансисты, подрядчики, юркие биржевые маклеры - типичные нувориши - давали повод снова и снова говорить о непреходящей еврейской жажде злата, о том, как опасен еврей на свободе. "Не об эмансипации евреев следует думать, а об эмансипации русских от евреев" - это мнение, которое разделяли видные представители русской культуры, ранило в самое сердце возросших на этой культуре новых еврейских интеллигентов. Оказалось, что общество, ставившее условием слияния с евреями отказ последних от национальных традиций, да-

РИСКУЯ ПОПАСТЬ В ГУЛАГ

К 85-летию со дня рождения Софьи Богатыревой

Марк ВЕЙЦМАН

Жизнь Софьи Игнатьевны Богатыревой сопряжена со столь большим разнообразием интересных, невероятных, а порой и драматических событий и с таким количеством известных, талантливых, а иногда и гениальных людей, что для начала повествования о ней у меня имеется большой выбор вариантов.

Пожалуй, начнем с деда по отцу - Игнатия (Ицко-Исаака) Абрамовича Бернштейна, инженера-путейца, работавшего на строительстве Китайско-Восточной железной дороги и погибшего в 1900 году во время кровавого боксерского восстания китайцев (пароход "Одесса", на котором эвакуировали строителей дороги и их семьи из зоны боев, был обстрелян повстанцами).

К слову заметим, что примерно через сто лет его правнук (сын Софьи Игнатьевны, гражданин США) женится как раз на китайке.

Старший сын Игнатия Абрамовича - Сергей Игнатьевич Бернштейн, впоследствии крупнейший русский и советский ученый-лингвист, библиограф, историк театра, родоначальник российской аудиоархивистики. В период с 1920 по 1930 год именно он записал на восковые валики около ста поэтов-современников, включая А.Блока, В.Маяковского, О.Мандельштама, А.Белого, А.Ахматову, Н.Гумилева.

В конце нынешнего апреля побывавший в Израиле заведующий отделом поэзии "Нового мира" Павел Михайлович Крючков на своем выступлении в Иерусалиме продемонстрировал несколько этих самых валиков "в деле".

А в августе 1946 года Надежда Яковлевна Мандельштам, опасаясь за судьбу архива мужа, Осипа Мандельштама, передала основной корпус его творческого наследия Сергею Игнатьевичу, а тот - младшему брату Игнатию Игнатьевичу Бернштейну, писателю, издателю, литературному критику, эссеисту и архивисту, известному под псевдонимом Александр Ивич. Для обоих братьев хранение крамольного архива было сопряжено с несущущим риском. Тем не менее он не был обнаружен лубянскими "любителями искусств".

Александр Ивич родился сразу же после гибели своего отца Игнатия Абрамовича в 1900 году.

В своих знаменитых "Воспоминаниях" Надежда Мандельштам пишет: "Раз мы сидели у Шкловских, пришел Саня Бернштейн (Ивич) и позвал нас ночевать к себе. Там прыгала крошечная девочка "Заяц"; уютная Нюра, жена Сани, угощала нас чаем и болтала. Худой, хрупкий и балованный Саня с виду никак не казался храбрым человеком, но он шел по улице, посвистывая, как ни в чем не бывало и нес всякую чепуху о литературе, словно ничего не случилось и он не собирался спрятать у себя на квартире страшных го-

С.И.Богатырева

сударственных преступников - меня и О.М. ... так же спокойно он взял рукописи О.М. и сохранил их".

Заяц - детское семейное прозвище Софьи Игнатьевны - Сони Ивич. Псевдоним отца стал ее фамилией.

"Уютная Нюра", разумеется, ее мать, известная переводчица Анна Марковна Бамдас, открывшая для русского читателя Стефана Цвейга.

Когда впервые читал "Воспоминания" Н.Я.Мандельштам, девочка-Заяц как-то незаметно скользнула по периферии моего сознания и уж точно никак не связалась с Софьей Игнатьевной Богатыревой, в течение 15 лет редактировавшей мои стихотворные подборки в журнале "Пионер", где она состояла в должности заведующей отделом поэзии. Хотя я знал, что она дочь Ивича и понимал, что Богатырева - по мужу.

Однако не думал, что муж ее - Константин Богатырев - это тот самый переводчик с немецкого, приятель Пастернака, которого "неизвестные киллеры" (их, конечно, не нашли) убили в 1976 году на пороге писательского дома "не с целью ограбления", и на похоронах которого Владимир Войнович горестно сказал: "Смертный приговор, вынесенный ему при Сталине, привели-таки в исполнение".

Впоследствии мне стало известно, что Константин Богатырев, бывший фронтовик, студент МГУ, по доносу сексота, в конце сороковых был приговорен к высшей мере, потом приговор был "смягчен" до 25 лет лишения свободы. В 1956 году Константин был реабилитирован...

Во время моих нечастых наездов в Москву Софья Игнатьевна, красивая, статная, всегда со вкусом одетая, в своем редакционном кабинете встречала меня с неизменной приветливостью, но в ее взгляде мною постоянно прочитывалась затаенная горечь и тревога. При том, что стихи мои довольно часто появлялись на страницах журнала.

Теперь-то все разъяснилось. "...Я не рассказывала вам, - пишет она в своем сравнительно недавнем письме, - о скандалах, происходивших после каждой Вашей публикации за закрытыми дверями кабинета нашего шефа (редактора "Пионера" Станислава Фурина. - М.В.) Он не был антисемитом, но просил меня "понимать ситуацию", ему самому чистили морду в ЦК. Что ему оставалось, как не проделывать то же со мной?" Оказывается, всему виной была моя откровенно еврейская фамилия.

И я, как выяснилось, не был исключением. В числе нежелательных оказывались и более именитые авторы журнала - Борис Слуцкий, Александр Кушнер, Борис Заходер и даже - поверите ли? - Борис Пастернак! "Даже школьники с "сомнительными" фамилиями! Но будем справедливы: все-таки появлялись. Фурин вел себя по тем временам пристойно... Конечно, пил, как вся подобная публика. Спать повторял шепотом: "Я твое досье видел - и, на мгновение трезвее. - Так совпало". Когда в начале горбачевской эры он выбросился на асфальт из окна своего кабинета на 11-м этаже, я его искренне жалела. Профессиональным журналистским чутьем он понял, что время его и подобных ему подходит к концу, а в другом времени места ему не найдется".

Незадолго до трагической гибели Станислава, крайне неожиданно для меня - ведь никогда прежде не звонил - раздался его непривычно расслабленный голос в телефонной трубке: "Марк, прошу вас, никогда не говорите обо мне плохо".

*Сигнал междугородного звонка
И голос, заторможенный слегка,
Лепечущий, как будто в полусне:
"Не говорите плохо обо мне".*

*Он выбросил ночь из окна.
Из версий не годится ни одна.
Горюю, страдаю и корю.
Но плохо говорить - не говорю.*

Авторитет Софьи Богатыревой-редактора в литературно-издательских кругах был довольно высок. Автор, опубликовавший стихотворный разворот у нее в "Пионере", мог смело рассчитывать на издание своей книги в издательстве "Детская литература".

Успехи и неудачи "своих" авторов она неизменно принимала близко к сердцу. Помню, получил я от нее письмо с требованием немедленно послать свои книги на какой-то литературный конкурс. Дескать, с одним из его устроителей она уже обо мне говорила. Вопрос: для чего это было ей нужно?

Или - впервые прочла в рукописи стихи юной Марины Бородинской после того, как Марина уже покинула ее кабинет. И что же? Стремглав помчалась вниз с 11-го этажа, чтобы догнать нового, никому не известного автора и выразить ему свое восхищение. А как радовалась, "пробив" очередную подборку, считавшуюся непроходимой!

В недавнем видео-интервью "Эху Москвы" Григорий Кружков сказал: "Мне путь в детскую литературу открыла Соня Ивич..."

После краха советской империи мое общение с Софьей Игнатьевной надолго оборвалось.

И вдруг обнаруживаю в американском журнале "Время и место" отрывок из ее мемуаров "Как хорошо уметь читать!" и узнаю из него много интересного.

В июле 41-го года девочку-Зайца эвакуировали в Татарию, в Берсут, и определили в интернат. "Домашнее" дитя впервые лишилось родительской опеки. Тонула в Каме, из воды ее вытащил Тимур Гайдар. По прибытии мамы и бабушки стала жить с ними в Чистополе...

Однажды в их дом является странный, ни на кого не похожий человек. "Мама показывает привезенную ею из Москвы пишущую машинку, отчего гость приходит в неопределимый, какой-то детский восторг". Он определенно нравится девочке. "Он не говорит, а гудит, слегка даже захлебываясь: про пьесу, про машинку... Он выкладывает на кухонный стол газетный сверток, извлекает оттуда стопку листов, покрытых крупной летящей вязью, просит их отпечатать..." Внезапно замечает девочку и спрашивает, как ее зовут. "Никто никогда не зовет меня Соней - только Зайцем или Зайкой. Мне кажется, что "Заяц" звучит солиднее, вроде имени-отчества, так и представляюсь гостю. Он не переспрашивает, не выказывает удивления, а, как взрослой, пожимает мне руку и говорит: "Рад с тобой познакомиться, Заяц".

"До листов, оставленных им, дотрагиваться не велено, но о тех, которые выскикают из-под быстрых маминых пальцев, речи не было. Улучив момент, когда в комнате никого нет, беру верх-

ний... и в тот же миг в моем сознании возникают две реплики:

*Ей нет еще четырнадцати лет.
В Вероне есть и матери моложе.*

Лишь мгновение спустя догадываюсь, что я ПРОЧИТАЛА их!.. "Ромео и Джульетта" в переводе Бориса Пастернака стала первой книгой - точнее машинописью, которую я прочитала самостоятельно. Надеюсь на счастливый конец. "Нет, все кончилось плохо. Проплакала невесту сколько времени.

Когда Пастернак появился у нас снова, взамен "здрасьте" я сообщила ему укоризненно:

*Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте,*

на что он улыбнулся, выставив свои смешные зубы, но вздохнул, как мне показалось виновато.

История эта имела продолжение. Дело в том, что муж Софьи Игнатьевны Константин Богатырев не только тесно общался с Борисом Леонидовичем, но свое восхищение им "возгонял до космических высот". 21 марта 1960 года, за 70 дней до смерти поэта, супруги Богатыревы были приглашены на завтрак к Ольге Всеволодовне Ивинской. Пастернак был оживлен и "по сравнению с чистопольскими временами необыкновенно красив". Намерение англичан перевести и издать его ранние вещи комментировал с иронией: "Это ведь читать нельзя, это - не для людей. Это для рыб. Для аквариума". С ним происходило, видимо, то, что Л.С. Гинзбург назвала "отречением от дара невероятных сочетаний, от чуда "Сестры моей - жизни", где все замещает и объясняет все".

Не успели Богатыревы возвратиться домой, зазвонил телефон, и трубка заговорила голосом Пастернака: "Костя, лицо вашей жены кажется мне знакомым. Я ведь видел ее? Ребенком? В Чистополе? Ее называли тогда..." - "Зайка?" - "Заяц", - поправил Пастернак...

В 1944 г. в Ташкенте Н.Я. Мандельштам почувствовала, что за ней следят. Нужно было спасать стихи поэта. По ее поручению А.А. Ахматова привезла рукописи в Москву. В течение двух лет папка со стихами хранилась у Эммы Герштейн, а затем, как было сказано выше, в течение 11 лет - у Ивичей. Навещая их, вдова поэта пополняла рукопись, восстанавливая в памяти тексты или получив их от разных людей. Она была уверена, что не доживет до того времени, когда имя их автора будет свободно произноситься в СССР. И Сергей Бернштейн, в библиотеке которого под обложками "Вопросов ленинизма" и учебников диамата хранятся "Воронежские тетради", письма Пастернака и продукция самиздата, не доживет тоже. И Александр Ивич. "А вот она доживет", - говорила, указывая на Соню. И, помедлив, добавляла: "Может дожить".

Это было в один из первых дней после смерти Сталина. В тот же день молодая девушка-студентка филфака университета Соня Ивич получила следующее письмо:

"Уважаемая Софья Игнатьевна!

В Ваших руках находится единственный проверенный и расположенный в правильном порядке экземпляр стихов моего мужа. Я надеюсь, что после моей смерти Вам когда-нибудь придется ими распорядиться. Я хотела бы, чтобы Вы считали себя полной собственницей их, как если бы были моей дочерью или родственницей. Я хочу, чтобы за Вами было закреплено это право. Надежда Мандельштам".

Еще работая в "Пионере", Софья Богатырева начала публиковать материалы из отцовского "спехрана", а также свои комментарии, воспоминания и эссе, связанные с ними. Стали приходить приглашения из европейских и американских университетов.

"Я оглянуться не успела, - писала она мне, - как стала профессором русской литературы в Америке. Поначалу летала взад-вперед через океан, а потом муж (профессор Юрий Васильевич Езепчук, молекулярный биолог. - М.В.) стал работать в США".

И вот уже почти два десятка лет, сохранив российское гражданство, С.И. Богатырева живет в Денвере, столице штата Колорадо.

О ней пишут: эта женщина, рискуя попасть в ГУЛАГ, сохранила стихи опального поэта. Называют любимицей Ахматовой, музой Бродского. Утверждение насчет Ахматовой считает преувеличением, хотя об общении с ней написала. Того, что Бродский посвящал ей стихи, не отрицает, о каких бы то ни было отношениях с ним умалчивает. Что касается еще не опубликованных материалов из архива отца (связанных, например, с Ходасевичем, ОПОЯЗом, Шкловским, обороной Севастополя, в которой майор Ивич принимал участие, и пр.), то это, по ее словам, не только драгоценное воспоминание детства и юности, но ответственность и работа на всю оставшуюся жизнь".

А вот строки из ее письма, полученного мною вместе с поздравлением по случаю Дня Победы: "Не успеваю справляться с литературными обязательствами, сижу, как каторжник, за компьютером. За 4 месяца нынешнего года подготовила две публикации К. Богатырева, по просьбе российского издательства занимаюсь переводами бабушки (Полины Самойловны Бернштейн. - М.В.), написала воспоминания о Елене Боннэр, подбираю иллюстрации для книги, куда входят работы дяди Сергея Бернштейна, и не нахожу времени для продолжения заброшенных воспоминаний о Викторе Шкловском и для ответов на письма. К тому же Славянская кафедра Денверского университета заказала грандиозное празднование моего 85-летия, что выбило из рабочего ритма..."

И правильно сделала, что заката!

БУДИЛЬНИК, КАК ВСЕГДА, КОРОТКО ВЯКНУЛ...

Ян КАГАНОВ

Будильник, как всегда, коротко вякнул-звякнул и замолчал, но чутко спящему Илье Розенбергу, сорокачетырехлетнему системному администратору, этого обычно хватало, а сегодня он и так уже не спал: неожиданно резкая боль толкнулась в его левую грудь и пробудила его минут двадцать назад. Илья дождался, когда боль ушла, встал и с закрытыми глазами пошел в туалет. Привычно завис над унитазом, подивился несговорчивости обычно послушного мочевого пузыря и переместился вправо, чтобы брызнуть на лицо холодной водой и уже тогда открыть глаза и окончательно приветствовать приход нового дня - ритуал, выработанный годами. Но сегодня все было не слава Богу, и к бесплодному стоянию над унитазом добавился еще и холодный кран, нащупать который Илье никак не удавалось. Розенберг удивился и открыл глаза. И тут уже обалдел по-настоящему: его левая рука проходила сквозь кран, не захватывая его. Илья крепко зажмурился, потом слегка приоткрыл один глаз и осторожно посмотрел в зеркало, смутно начиная догадываться, что он там увидит, а вернее, кого не увидит. И действительно не увидел. "Вот так, да?" - спросил он себя и вернулся в спальню.

Тело Розенберга со стекленеющими глазами лежало на своем месте, под одеялом, справа от жены Риты. По-хорошему, Риту стоило бы разбудить, чтобы труп мужа обнаружила она, а не дети, но сделать что-либо в уже не его материальном мире Илья не мог. Он для интереса попытался вернуться в свое тело, но наткнулся на какой-то непонятный, словно силовой, барьер. "Мертвое бездушно", - понял Розенберг и переместился в детскую: посмотреть на детей перед тем, как его призовут на Суд или куда там полагается. Илья постоял над каждой из двух дочерей, запоминая, провел невидимой рукой над их лицами и недоуменно огляделся: ну, кто-нибудь собирается наставить свежесвободившуюся душу на путь истинный - куда лететь, что делать, перед кем каяться? Но никого рядом Илья и не обнаружил и не почувствовал. Что делать с внезапно появившимся свободным временем, всегда загруженный работой сисадмин не знал, но понимал, что присутствовать при обнаружении родными собственного тела ему категорически не хочется. Илья поискал открывшимся внутренним зрением, у кого из соседей включен телевизор, нашел и переместился туда.

Вернулся домой Илья, только увидев из соседского окна, что его тело погрузили в подъехавший амбуланс. В квартире дочери отрешенно уткнулись в айфоны-айподы, Ритина сестра Алина с кем-то разговаривала по телефону, ее муж Артем готовил родителям Ильи на кухне черный кофе, а сама Рита стояла на балконе, курила и негромко беседовала со старым другом и сослуживцем Ильи, Семеном. Илья даже растрогался, увидев, как быстро Семен оказался у них дома, памятуя, что у того с утра были назначены важные деловые встречи, которые друг, по всей видимости, отменил, чтобы подставить осиротевшим Розенбергам свое надежное плечо. Илья просочился через закрытую дверь на балкон и прислушался к беседе.

- Думаешь, сердце?

- Наверное. А что еще? Я его, во всяком

случае, не травила, - огрызнулась Рита.

Она выглядела озабоченной, растерянной, но, к удивлению Ильи, на безутешную вдову Рита никак не походила.

- Не успела или не решилась? - хохотнул Семен, но быстро погасил улыбку, сообразив, что их из салона если и не слышно, то, во всяком случае, видно, и его улыбка может неприятно удивить родных и близких покойного, как принято говорить в неискренних некрологах.

- Не хотела рисковать, - ответила Рита, не возмущившись таким бесцеремонным вопросом, и криво улыбнулась.

Илья опешил. Вроде, нормально жили. Без скандалов, без ссор. Понятно, что о нежной влюбленности после стольких лет совместной жизни говорить не приходится, но от привычно-дружелюбного равнодушия, которое Илья испытывал к супруге, до того, что он слышал сейчас на балконе, дистанция была не просто огромного размера, а для самого Ильи непреодолимая. Чем же он успел напакостить жене, чтобы она так спокойно шутила о его смерти? Или это ее защитная реакция? Розенберг вгляделся в Риту и новым, безошибочным знанием понял: нет, это не шок и не защита - Ритка говорила именно то, что думала. То же новое знание подсказывало Илье и причину такой раскованности Риты в беседе с Семеном, но Илья предпочел сделать вид, что он, как и в школе, подсказку не слышит.

Розенберг вернулся в гостиную и с жалостью посмотрел на родителей: каково им потерять любимого младшего сына?! Мать невидяще уставилась в телевизор, отец пил приготовленный Артемом кофе, и рука его, державшая чашку, тряслась, но понять, горе это или Паркинсон, сын, сведший общение со стариками к обязательному минимуму, не знал. Собственно, паскудное всезнание и тут было начеку, но было отогнано Ильей на задворки сознания.

- А жалко папу, правда? - вдруг донеслось до Ильи, и, окрыленный, он поспешил к дочерям. Старшая, двенадцатилетняя Мира, не отрываясь от экрана, пожала плечами и ответила десятилетней Николь:

- Жалко, конечно. Молодой совсем.

- И мне жалко, - подхватила Николь.

Илья постоял рядом еще несколько минут, но тема беседы девочками была, видимо, исчерпана. "Вот так, да?" - опять спросила себя душа Ильи и, выйдя из комнаты, остановилась в коридоре в грустном недоумении, куда идти. В гостиную? Там молчащие родители, стесняющиеся своей отсутствующей скорби. На кухне свояченица с мужем. Можно прислушаться к их шепоту, но зачем? Пойти к Ритке с "верным другом" Семеном на балкон? Спасибо, но идите сами.

С кладбища Рита, предки и дочери возвратились поздно. Сзади плелся угрюмый Илья, услышавший около могилы много теплых речей в свой адрес, но справедливо не поверивший ни одному сказанному слову. Он нарочито неторопливо перенесся в гостиную, с сардонической улыбкой оглядел всех усевшихся на неделю скорби и удалился в шкаф на техническом балконе - размышлять, может ли ад выглядеть как осознание того, что твоя смерть не причинила твоим родным ничего, кроме расходов на похороны?

Окончание. Начало на стр.1

За горячим угольком! Ривка Элицур.
Ребенок Моше во дворце фараона. Худ. Шмуэль КацЭфраим Сидон. Моше и козленок.
По рассказам наших мудрецов. Худ. Дани Керман

Мирьям Рот, замечательная писательница, выразила эту мысль иначе: в сокровищнице нашей литературы есть сказки, отвечающие всем требованиям детской души: ее чувствам и потребностям эстетического характера.

По мне, если бы меня спросили, так "книжки разные нужны". Но факт, что целые поколения воспитывались в Израиле на европейской литературе - оригинальной и переводной, ведь родители сами воспитывались на русских, немецких, французских,

английских сказках. И они хороши, и читать их можно и нужно, но все-таки не стоит забывать о том, что первыми и непревзойденными были сюжеты из Торы, Мидрашей, Мишны, то есть Устной Торы и Талмуда. Они стали переходить, видоизменяясь, через переводы, конечно, из одной литературы в другую, от народа к народу... Я в свое время занималась этой темой, показав подобное "переселение" на примере песенки "Хад-Гадья" - о козлике в "Пасхальной Агаде".

Разумеется, изучать библейские

Эфраим Сидон. Моше и козленок.
По рассказам наших мудрецов. Худ. Дани КерманЭфраим Сидон. Моше и козленок.
По рассказам наших мудрецов. Худ. Дани КерманНой (внизу справа) и 3 его сына.
Хам берется загружать животных,
Шем - пернатых,
а Йефет (Яфет) - рыб...
(Шломо Абас. В одном ковчеге.
Худ. Яна Букнер)

сюжеты на языке оригинала все равно что пить из источника чистого и первозданного! Но если пока трудно, вот вам мой совет: можно читать переложения и пересказы для детей и вместе с ними на совсем не сложном иврите, я знаю эти книги - язык их поэтичен, прост и доступен.

Иногда не верится, что мы дожили до волшебных времен - до царствования компьютеров, интернета, скайпа, мобильных телефонов. Главное, мы получили возможность жить, где нам хочется, передвигаться по всему миру, но возвращаться в свой настоящий мир.

Учатся дети, будем учиться и мы, и не только, чтобы не отстать и не остаться позади, а и ради наслаждения! Библейские сюжеты будят воображение детей и дают несравненное эстетическое удовольствие взрослому.

Я помню себя сидящей в одном московском доме, где мне пришлось заночевать, ибо там мне дали почитать чудом сохранившийся у них после всех арестов и обысков второй том Еврейской энциклопедии под редакцией Л.Каценельсона и Д. Гинцбурга, издание Брокгауза и Эфрона. Том со статьей о еврейской литературе я читала целую ночь... Поразила меня там фраза, что Иерусалим будто бы построен на пяти холмах, и музыкой прозвучали таинственные названия этих холмов... Энциклопедия переиздана. Откроем этот том. Что же там было? Вот они, тогда незнакомые, а потом и забытые названия холмов. И нашла ведь я ту фразу: "В дополнение к построению Иерусалима на пяти холмах - Лебанон,

Мория, Табор, Кармел и Хермон..."

Тогда - чужое, таинственное, стало простым и понятным: Лебанон - Леванон это Ливан, гора Мория в Иерусалиме, и в Кфар-Таворе, и на горе Кармель бываем, а чаще проезжаем мимо, а на Хермоне снега белого зимой было немного, но холодина, ветер, в общем, свое хозяйство - до всего рукой подать.

Когда читаешь библейские истории, постоянно испытываешь это чувство - чудо твоего присутствия в местах, существовавших более двух тысяч лет назад, и потому герои этих историй тоже кажутся подлинными. Но не только поэтому. Мы привыкли, что в легендах и сказках герои наделены всеми положительными чертами, а антигерои - отрицательными, то есть все персонажи делятся на хороших и плохих. Библейские герои - почти все - многогранны, их слабости, недостатки, дурные поступки описаны так же объективно, как и хорошие стороны, как если бы это были живые, настоящие люди, - во всем противоречии их характеров и мотивов их действий. О библейских героях можно прочесть в книге Адина Штейнзальца "Библейские образы", вышедшей в издательстве "Шамир". Истории Торы, письменной и устной, собранные в сборнике "И рассказы сыну своему..." издательства "Маханаим", хороша серия брошюр, изданная религиозным институтом "Амана". Книг много, но для тех, кто хочет сочетать изучение иврита с удовольствием - нет ничего лучше детской литературы на библейские темы. И, в первую

очередь, обработки сюжетов в сериях таких авторов, как упомянутые уже Левин Кипнис, Двора Омер, Ривка Элицур, а также Амос Бар, Шрага Гафни, Шломо Абас, Эфраим Сидон, раввин Мордехай Халамиш... Большинство книг в этих сериях сопровождается хорошими иллюстрациями, иногда это рисунки, ставшие классическими, они переходят из одного издания в другое, но есть и формы более современные, свободные, условные... Назвав имена писателей, назовем и имена художников: Хенрик Хехткопф, Шмуэль Кац, Аарон Шево, Аарон Авади, Дани Керман, Кристина Пальдино-Кадмон, Рут Царфати, Яна Букнер, Двора Бенедикт-Берзон...

Итак, после того, как были созданы свет и тьма, земля и небо, растения, солнце, луна, и звезды, и животные, и птицы, и рыбы, произнес Всевышний: "Пру у-рву" - то есть "плодитесь и размножайтесь". И увидал он, что это хорошо.

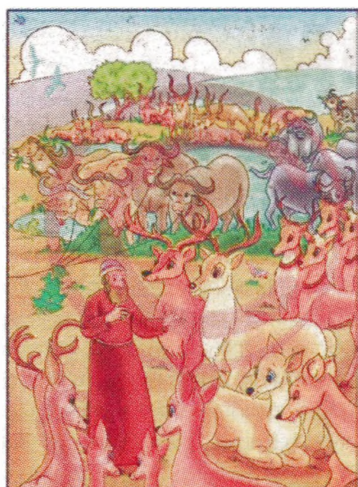
И было это на шестой день, и тогда сотворил он мужчину и женщину. Мужчину, как известно, из праха земного и вдунул в ноздри его дыхание жизни, и стал мужчина существом живым. "Адамом". "Адама" - земля, "адам" - человек. А потом из ребра его сотворил женщину.

И поскольку Адам был "иш" (мужчина), то она, плоть от плоти его, стала "иша" (женщина). "Иш вз-иша". А почему имя ее было "Ева" - "Хава" на иврите? Потому, что она стала матерью всего живого на земле. "Эм кол хай". "Эм" - это "има" (мать, мама) - пишется "алеф, мем, алеф", сокращенно "алеф и мем" читается "эм"... "Хай" и "Хава" - одного корня, означающего жизнь, живое.

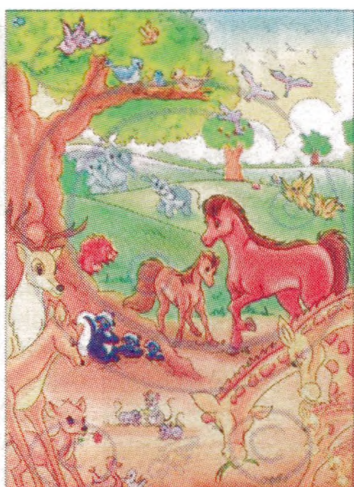
И жили они в Райском саду - "Ган Эден"... Посмотрите, как описывает Левин Кипнис Райский сад, и поверьте на слово, что по этому "вкусному" описанию легко учить язык. Возьмем, к примеру, о пяти реках: "Чудесные реки были в райском саду. Одна река - с теплой водой, Вторая - с хорошим вином, Третья - из чистого меда, Четвертая - из белейшего молока, а пятая река - из прозрачного масла (разумеется, оливкового)..."

Если Левин Кипнис варьирует белый стих с рифмованным, то Двора Омер пересказ свой ведет в прозе, приближая язык повествования к языку разговорному, современному:

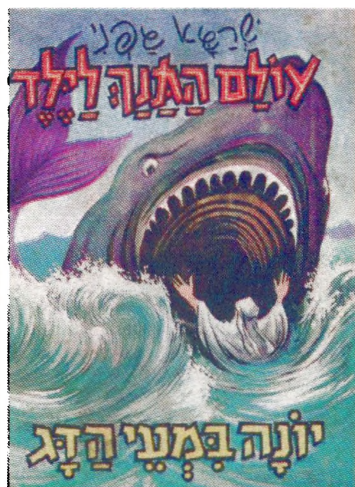
"Когда Евы-Хавы еще не было, - так у Дворы Омер, - Адам "крутился" возле Древа познания, и заметил Всевышний, что лицо у него очень грустное. - "Адам, - обратился он к первому человеку, - почему и отчего погрузилось лицо твое?" Адам признался, что из-за запрета есть плоды с Древа познания. И как ребенок, Адам попросил разрешения попробовать его плодов, но Всевышний прикрикнул на него: "Аль тохаль, пен тамут" - "Не ешь, умрешь! Слышишь, что я сказал?" - совсем как строгий отец.

Вот они, многоликие, многопарные и многокрасочные...
Рав Мордехай Халамиш.
Ноах и поколение потопа.
Худ. Двора Бенедикт-Берзон.
В стиле комикса

Вот они, многоликие, многопарные и многокрасочные...
Рав Мордехай Халамиш.
Ноах и поколение потопа.
Худ. Двора Бенедикт-Берзон.
В стиле комикса

Шрага Гафни.
Иона в животе у рыбы.
Одна из 17 книг в серии
"Мир Танаха для детей".
Худ. Аарон Авади

Вот они на суше оба. Иона-пророк и большая рыба
в одном из парков города Кфар-Сабы
(автор композиции скульптор Ницан Йоэль Авидор)

Двора Омер. Гиллеля мудрого не вывести из себя.
Переложение одной из талмудических притч.
Худ. Шай Чарка

"Слышал, слышал, - все так же грустно ответил Адам". И так ли уж важно, что Двора Омер представила себе именно такую картинку из жизни первого человека, пока он был без Хавы, суть в том, что мы его понимаем...

А кто не знает истории вселенского потопа или Вавилонской башни? Интересную историю не грех и повторить, хоть вкратце, вдруг кто-то забыл...

У Адама и Хавы были два сына, Каин и Авель - на иврите мы говорим "Каин вз-Хевель". И вот они не хотели жить так, чтоб все было общее. И начали драться. И Каин убил Авеля, а потом еще и соврал, что не знает ни где брат, ни что с ним. Отсюда пошло выражение: "Разве я сторож брату своему?" - "Ха шомер ахи анохи?" Сначала Каин, а вслед за ним и дети его, а потом и другие люди нехорошими стали, и красть и убивать научились, и обманывать... И решил тогда Б-г: пропадай все пропадом - пусть все утонут, пусть будет Потоп на всей земле. И только одного праведника решил спасти - Ноя, Ноаха - на иврите. То есть и его, и все, что с ним - всю его семью. Построили ковчег и стали собираться к отплытию.

Грома такого сильного Ной ни-

когда не слышал. Да и первая большая капля упала ему уже на нос. Вот-вот хлынут воды, начнется потоп. Надо спешить. Сколько же развелось этих птиц да животных! Но дают - не перечь, грузи... Зааа-гружаем в ковчег всякой твари по паре! (Мы привыкли, что "по паре", раньше только так и изображали, а оказывается, многих тварей по семь пар было! Жирафы - 7 пар! И кур с петухами - по 7 пар! И уток с селезнями 7... Художники об этом тоже узнали... Скоро убедитесь по картинкам в новых книжках.)

Погрузка продолжается с шумом, давкой, ревом. Тут видит Ной, что младший его сын, Иефет (Яфет), миску тащит - рыбу собирать изловился. Говорит Иефету, приложив указательный палец к виску: "Ты бы братьям помог, а рыбу ловить не стоит, сама устроится, она в воде не тонет..."

А после потопа изобразил Б-г радугу на небе, сказав, пусть она напоминает, что больше потопа на земле не будет. Имел, наверно, в виду, что вселенского потопа не будет, а небольшие потопа и потом случались, и сегодня они еще бывают и нас ими пугают. Люди и тогда были малообразованными, таким нетрудно внушить, что потоп произошел оттого, что небо шатается и ему нужна опора, надо

бы, к примеру, построить высокую башню, чтоб подпирала небеса. А народов разных существовало тогда уже целых семьдесят. И языков стало много. Сначала все народы хоть немножко, но помнили свой первый язык - приятно думать, что это, возможно, был иврит, но потом то ли забыли, то ли Б-г отнял их у него, потому что они все время ссорились и не жалели друг друга, и работать не хотели, а только строили свою ненужную башню... Дело было в Вавилоне, поэтому и строили они Вавилонскую башню. Всевышний все видел, он еще раньше примерно так сказал Ноаху: положи, мол, руку на сердце, жалеет, что создал Адама человеком... Он довольно быстро понял, что человек-то не слишком разумен... Ну, и рухнула башня... Помните Вавилонское столпотворение? Что приличного можно создать, когда один человек другого не понимает и каждый кричит свое? Что же случилось с ивритом? А он достался тем, кто в строительство башни ни одного кирпича не вложил, а просто был настоящим праведником, как Ной и его потомки, включая Авраама. А от него уже и все мы произошли. Поэтому и нам надо учить иврит, не посрамим предков, - потомки как-никак, даже если только по одной прабабке (ну, жили - не знали, а потом документ нашлся, бабка от них, вестимо, и прятала, чтобы не засветились до времени)... Бабки давно нет, а время брало за горло. Сама знаю двух сестричек, которые привезли по такому документу вместе с собой в Израиль 11 "гоев". И что? Все учатся, трудятся, семеро отслужили или служат в армии... Одна из сестер, Зоинька, худенькая, молчаливая, привела моего внука из садика и говорит мне: спасибо за вашу работу, а то ведь мы О СЕБЕ ничего не знали! Считаете это комплиментом мне? Нет, тут важно ее чувство приобщения...

И последняя на сегодня история о чуде спасения Ионы в брюхе кита Левиафана (Левиатан на иврите).

Иона, пророк из Писаний, из третьей книги малых пророков Библии. Почему он очутился в животе у кита?

За провинность. Ему указание было свыше идти в Ниневию сообщить жителям этого греховного города, что скоро его не станет и смерть ждет горожан за грехи их. Но Иона хотел уклониться от этой миссии, не хотел умирать: "Если пойду, - думал он, - и буду пророчествовать, злые и жестокие люди - ассирийцы из Ниневии - разозлятся на меня и убьют меня, если же поверят, исправятся, станут на праведный путь, и город их не будет разрушен, скажут, зачем дурную весть принес? Опять же убьют меня". Решил он попросту бежать, сел на корабль, а Б-г послал на море бурю. И когда моряки бросили жребий в поисках виновника балагана, то жребий указал на Иону, и сам он признался им, что от Б-га бежит и, пока он будет находиться на корабле, буря, то есть гнев Б-жий, не утихнет. И сам предложил, чтобы моряки бросили его в море. Текст в Библии необыкновенно лаконичен, но повороты сюжета так стремительны, причудливы и фантастичны, что дают обильную пищу для тех, кто пересказывает сюжет для детей, юношества и всех любящих сказку-притчу.

Наказал Иону Б-г, и проглотила его большая рыба, это сказители и интерпретаторы-толкователи дали ей имя кита - Левиафан, а в ТАНАХе это просто большая рыба. Еще во чреве рыбьем, где он пробыл три дня, усердно молился Иона за спасение, и сказал Всевышний рыбе, и извергла она его на сушу.

Сколько уж раз повторялось сегодня слово "чудо": но что поделать, не называть же чудо не чудом, если оно - чудо.

Нам кажется, что сказке конец. А все только начинается. Пошел Иона в Ниневию, пророчествовал, и поверили ему, и не убили Иону, перестали грешить, и помиловал Господь город и людей, что в нем. И досада охватила Иону. По его мнению, не должно было прощать грешников. Ушел из города Иона, сел при дороге на палящем солнце, а Господь клещевину - куст с широкой кроной сотворил, чтобы мог в его тени отдохнуть пророк, а потом наслал червя и червь источил

куст - отсюда выражение: "Кикайон д'Иона", то есть эфемерное, быстро-преходящее явление. Жарко было, и устал Иона, но жалко было ему и куста, и тут говорит ему Всевышний: "Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое за одну ночь выросло и в одну ночь пропало, а я не пожалел Ниневии, города великого, в котором более 120000 человек?..." Этим вопросом, а не разрушением Ниневии заканчивается книга, чтобы над ответом задумался сам читатель...

Вот и дают ответы уже сотни лет. Ученые считают, что написана книга об Ионе в V веке до н.э., то есть уже два с половиной тысячелетия. Фольклорному сюжету, герой которого побеждает не благодаря своей силе и необыкновенному уму, а только благодаря молитвам или, как в трактовке цитированного мною Шраги Гафни, - потому, что стал Иона поступать в согласии со своей совестью, ибо считается, что совесть в наши дни еще что-то значит, а следовательно, мысль автора будет понятна и детям и взрослым... А мы можем только восхититься чудесным сюжетом и тому, что они так близко - все свое, все рядом - и гора Гильбоа, и библейская Яффа, и вечный Иерусалим, и Ям Суф - Красное море, через которое мы, все-таки, перебрались... А вот и новые, другие едут... Давайте дадим им на прощанье совет мудрого Гиллеля. Не только им - и себе тоже...

Очень хорош мудрый Гиллель на обложке книги Дворы Омер. Всем известно, что Гиллеля нельзя было вывести из себя... Спокойный, терпения - океан. Но нашлся нахал, который поспорил с кем-то, что вот он уж исхитрится разозлить старика, а проиграв спор, кричит Гиллелю: "Я из-за тебя 400 зуз потерял". Отвечает мудрец: "Лучше потерять дважды по 400, чем один раз ожесточить свое сердце".

* ТАНАХ включает три книги - Тору, Пророков и Писания. На иврите это *Тора, Нэвиим и Ктувим*. Эти три заглавные буквы ТНХ - с огласовками - и составляют слово *ТаНаХ*, а по христу. традиции это Библия (Ветхий Завет).

ВЕК ЛЮБИМОВА: О ГЛАВНОМ РЕЖИССЕРЕ И НЕ ТОЛЬКО ЕГО ТАГАНКЕ

Алек Д. ЭПШТЕЙН

За три года, прошедшие со дня смерти многолетнего художественного руководителя Театра на Таганке, столетие со дня рождения которого отмечается 30 сентября 2017 года, о нем было сказано и написано столько панегириков, что впору задаться вопросом, соответствуют ли все они тому духу критического отношения к действительности, который прививал своим ученикам сам Юрий Петрович. Место Ю.П.Любимова в российской театральной истории XX века уже сравнивают с местом, занимаемым А.И.Солженицыным в истории литературной. К 80-летию А.И.Солженицына в 1998 году Ю.П.Любимов поставил первый - и единственный - в своей творческой жизни спектакль по его прозе, инсценировав некоторые главы романа "В круге первом". Несколько парадоксальным образом, А.И.Солженицын, вообще говоря, всю жизнь противостоявший советской госбезопасности, именно в эпоху президентства выходя из этой самой госбезопасности был объявлен важнейшим русским писателем XX столетия, непрекращаемым классиком, крупнейшим патриотом и безусловным нравственным авторитетом - вообще, едва ли кто-либо на самом деле может быть таковым, и уж точно таковым быть не может А.И.Солженицын - последовательный антилиберал, почвенник и многолетний затворник. С Ю.П.Любимовым происходит что-то похожее: он уже объявлен не только важнейшим деятелем русского и мирового театра последнего столетия (что несомненно), но и нравственным кумиром, что вызывает определенную оторопь. Нет сомнений, что Ю.П.Любимов, как и А.И.Солженицын, был выдающимся человеком, но его биография адекватно отражает сложный, противоречивый путь, пройденный Россией за годы его жизни.

Удивительным образом, символом диссидентства и противостояния режиму оказался человек, еще в эпоху культа личности получивший Сталинскую премию, при Н.С.Хрущеве - звание заслуженного артиста РСФСР, при Л.И.Брежнев - орден Трудового Красного знамени, при Б.Н.Ельцине - звание народного артиста, Государственную премию и первый из своих трех орденов "За заслуги перед Отечеством"; два последующих он получил уже при В.В.Путине. Повсеместно отмечается, что Ю.П.Любимов был ветераном войны; куда реже уточняется, что всю войну он прослужил в Ансамбле песни и пляски НКВД, где выступал в качестве артиста и конферансье. Если история жизни Ю.П.Любимова и может служить примером, то не противостояния режиму, а как раз таланта взаимодействия с ним.

Часто напоминают о том, что три поставленных Юрием Любимовым в Театре на Таганке спектакли были запрещены:

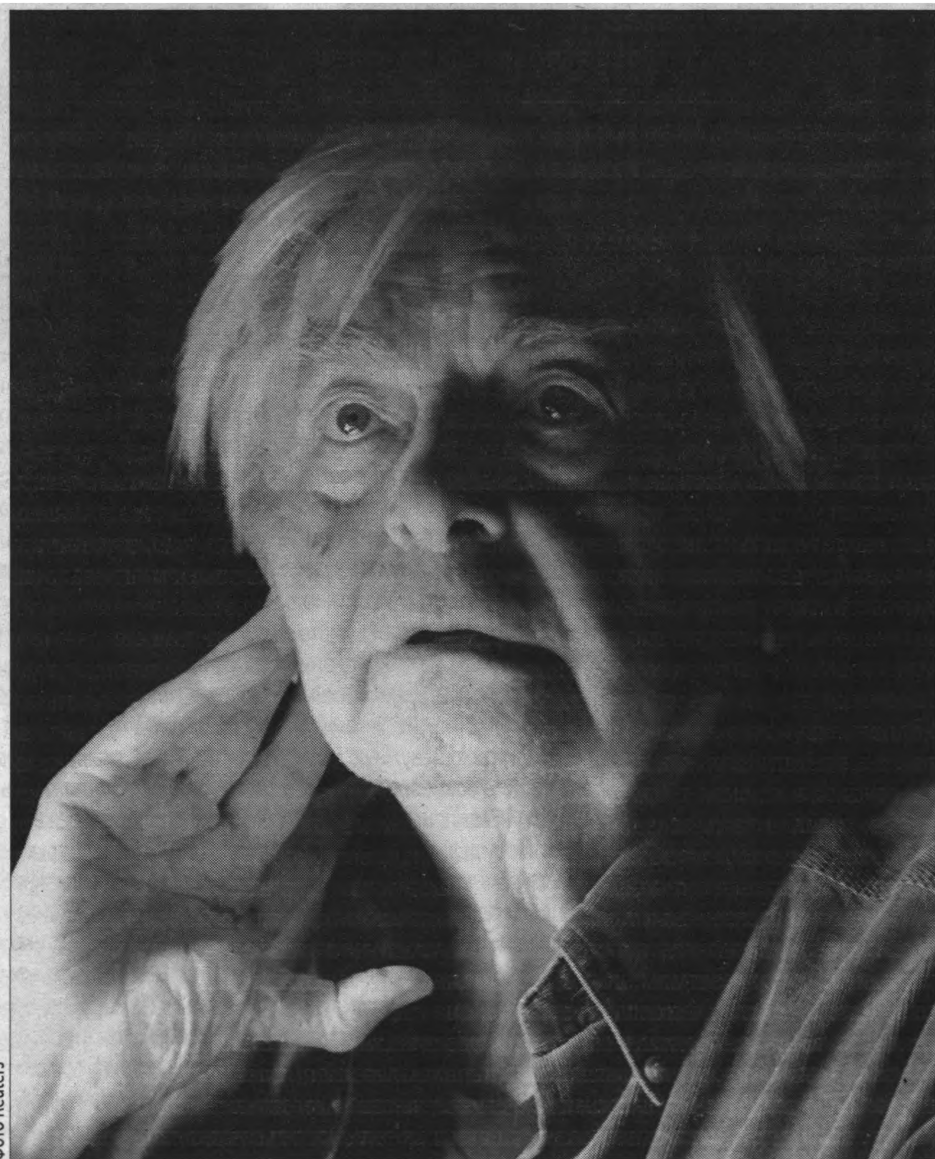

Photo Reuters

"Живой" Бориса Можаева в 1968 году, поэтическое представление памяти Владимира Высоцкого в 1981 году, и пушкинский "Борис Годунов" в 1982 году (все эти спектакли были им восстановлены и представлены публике в конце 1980-х годов); куда реже говорится о том, что запрещены были три спектакля из тридцати одного: двадцать восемь премьер Юрий Петрович в своем театре за девятнадцать лет руководства им выпустил. Трудно сказать, знал ли Ю.П.Любимов, отправляясь в Англию в 1983 году для постановки "Преступления и наказания", что уезжает в эмиграцию, - примеры крупных деятелей культуры, выехавших из Советского Союза и не получивших возможности вернуться, стояли перед глазами, начиная от Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича и заканчивая выдающимся живописцем Оскаром Рабиным. Ю.П.Любимов уехал одним из самых последних, менее чем за два года до прихода к власти М.С.Горбачева - как следствие, и эмиграция его оказалась сравнительно короткой: уже в мае 1988 года он вновь был в Москве. К тому времени уже и "Доктор Живаго" был напечатан целиком, и "Мастер и Маргарита" вышел миллионным тиражом, но ни одно из произведений А.И.Солженицына в горбачев-

ском СССР еще опубликовано не было, а сам он еще оставался в Вермонте. Ю.П.Любимов же прилетел в Москву.

Мне было тогда тринадцать лет, жил я от Театра на Таганке на расстоянии одной троллейбусной остановки, и ходил туда если не чаще, чем в школу, то и не сильно реже: меня знали все работавшие в театре билетерши и администраторы и обычно пускали на спектакли, невзирая на то, что билета у меня не было, денег купить его не было тоже, да и дети до шестнадцати, как указывалось на тех самых отсутствовавших у меня билетах, на вечерние спектакли не допускались (по опыту своего московского отрочества скажу, что норму это ко мне применили за всю жизнь один раз, в театре "Современник" - и больше никогда, что позволяет мне сейчас с равнодушным неприятием смотреть на психоз установления возрастных цензов на книги, музыку, спектакли и фильмы). Я хорошо помню, как в мае 1988 года на парковке у служебного входа на Новую сцену Театра на Таганке группа артистов и сотрудников стояла с плакатом "Юрий Петрович, поверьте, незаменимые - есть. Воспитанные Вами мы". Любимов не был для этого театра и его актеров художественным руководителем и главным режиссером, хотя, конечно, до 1983 года

был; он был для них эрзац-отцом. От Юрия Любимова в мае 1988 года ждали чего угодно, но только не то, что он уедет на Запад обратно. Слова про контракты и неустойки уместны в деловых отношениях, но плохо мыслимы в отношениях семейных. Театр на Таганке ждал возвращения вынужденно блудного отца, а увидел возвращение кризисного менеджера, как ни в чем ни бывало приступившего к работе над возобновлением запрещенных спектаклей, как будто и не было пяти лет разлуки.

За эти пять лет в Театре на Таганке произошла одна из самых трагичных и позорных страниц российской театральной истории: выдающийся рыцарь театра Анатолий Васильевич (Натан Исаевич) Эфрос, назначенный на Таганку главным режиссером, был в прямом смысле слова доведен труппой до инфаркта и до могилы. А.В.Эфрос отнюдь не был для этого театра и для самого Ю.П.Любимова "чужаком": в 1975 году он поставил в этом театре изумительный спектакль "Вишневый сад", в котором главные роли исполнили Владимир Высоцкий и Алла Демидова (мне этот спектакль довелось увидеть уже после смерти В.С.Высоцкого, когда роль Лопухина исполнял другой актер), а в 1973 году выпустил телеспектакль на основе книги о Мольере Михаила Булгакова, роль Мольера в котором сыграл никто иной, как Юрий Любимов. Очевидно, что глубокий психологизм эфросовской режиссуры принципиально отличался от площадной эстетики любимовских спектаклей, основанных на традициях Мейерхольда и Брехта, однако именно это давало возможность труппе раскрыть новые грани своего потенциала под руководством одного из самых глубоких художников того времени, доказавшего свою творческую состоятельность десятками прекрасных спектаклей в Театре им. Ленинского комсомола и Театре на Малой Бронной. В конце концов, Театр на Таганке могли просто закрыть, как закрыла советская власть театры Мейерхольда, Михоэлса, Таирова и МХАТ Второй, где Юрий Петрович Любимов как раз начинал свой путь актера. Прекрасно понимая это, Ю.П.Любимов, однако, в данных им на Западе интервью обрушился на А.В.Эфроса с грубыми нападками, обвиняя того чуть ли не в коллаборационизме и захвате чужого театра - театра, из которого, вообще говоря, Юрий Петрович уехал сам, причем не в кандалах в Сибирь, а в Великобританию.

А.В.Эфрос поставил в 1984-1986 гг. на Таганке пять спектаклей, а также восстановил "Вишневый сад". Ставил он литературу самого высокого качества: драму Светланы Алексиевич "У войны - не женское лицо" (за тридцать лет до того, как эта писательница получила Нобелевскую премию), сатирическую повесть Бориса

Можаяева "Полтора квадратных метра" (в 1988 году она была экранизирована, и фильм назывался "Вам что, наша власть не нравится?!"), того самого Бориса Можаяева, инсценировка первой части романа которого "Мужики и бабы" была сделана Ю.П.Любимовым в 1968 году и была запрещена, а также произведения Мольера, Горького и Теннесси Уильямса. Я видел почти все эти спектакли, и убежден и поныне, что никто в театре не имел причин стыдиться этих постановок; никаких пьес о Ленине и большевиках, которые ставили в то время столь почитаемые интеллигенцией "Современник" и Театр им. Вахтангова, А.В.Эфрос на Таганке не ставил никогда. Однако несколько ведущих актеров, в том числе Леонид Филатов и Вениамин Смехов, в знак протеста против прихода Анатолия Эфроса покинули Таганку, многие другие продолжали работать, подспудно ставя новому главному режиссеру палки в колеса. Алла Демидова, по ее собственным словам сыгравшая в 1975 году в эфросовском "Вишневом саде" одну из своих лучших ролей, написала спустя три месяца после смерти Эфроса: "Нет, театр не "травил" его, как считали возможным обозначить то, что происходило у нас, Виктор Розов. Мы старались войти в новую театральную эстетику, а это не так просто. Подобно "плотницкой бригаде" (так называл нас в своей статье Эфрос), мы работали с полной отдачей". Кого и зачем вводила в заблуждение великая актриса, позднее рассказавшая в книге "Тени за зеркалом", как она встретила нового главного режиссера: "Поговорив с Эфросом очень откровенно, я не пошла на собрание труппы, когда его представляли коллективу и где, как говорят, разразился скандал. И несмотря на мою безграничную любовь к Эфросу как к режиссеру, я отказалась участвовать в спектакле "На дне". С этой горьковской пьесы А.В.Эфрос начал свой путь на таганскую голгофу. Выдающийся режиссер умер 13 января 1987 года, когда ему шел всего шестьдесят второй год. Сегодня его сын Дмитрий Крымов - один из крупнейших режиссеров и художников на театральной сцене Москвы.

Едва ли, покидая Таганку, которая, по его убеждению, не могла быть ничьей, кроме любимовской, Леонид Филатов мог в страшном сне предвидеть, что в 1993 году будет одним из ключевых фигур в расколе этого театра, в результате чего тридцать шесть артистов, включая его самого, с Ю.П.Любимовым разошлись навсегда. В 2014 году настолько пафосно отметили 50-летие первого любимовского спектакля на Таганке "Добрый человек из Сезуана" (кстати, в 1988 году поставленного Ю.П.Любимовым, получившим израильское гражданство, и на сцене тель-авивского театра "Габима"), что как-то неловко напоминать, что и первая многолетняя исполнительница главной роли в этом спектакле, народная артистка России Зинаида Славина, также оказалась от Юрия Любимова по другую сторону баррикад. Творческая судьба театра "Содружество актеров Таганки" сложилась не очень успешно; его бессменный

руководитель на протяжении более чем двадцати лет Николай Губенко все эти годы больше депутатствовал (вначале два созыва в Госдуме РФ, а потом еще три - в Мосгордуме), чем ставил спектакли. Театру нужен был полноценный главный режиссер, однако он так и не появился, вследствие чего едва ли не большую часть вечеров на Новой сцене Таганки играются антрепризные спектакли в жанре "И эту дуру я любил". Алла Демидова не примкнула к "раскольникам", но и в "стане" Юрия Любимова, не осталась, в 1994 году покинув Театр на Таганке. В 1998 году Таганку фактически покинул и Вениамин Смехов, деликатно сформулировав свои отношения с Театром следующим образом: "Я по-прежнему артист Театра на Таганке и этим горжусь, там лежит моя трудовая книжка. Это мой дом навсегда. Другое дело, что сегодня это не столько юридическое место моей работы, а сколько символическое, потому что я там "работаю" зрителем". В.Б.Смехов сменил статус в родном театре лишь спустя пятнадцать лет.

Юрий Петрович и верные ему артисты остались на Старой сцене, где он с 1989 по 2001 год поставил еще двадцать спектаклей. Любимов был не единственной иконой "демократов", в собственной воле которого никакой демократии не было и в помине: дело как в авторитарном стиле его отношений с актерами, так и в том, что практически все, что шло на сцене возглавляемого им театра, ставилось лично им. В результате, когда в 2011 году в театре вновь возникла конфликтная ситуация, и теперь уже не актеры ушли от Любимова, а он от них, режиссера, который мог бы возглавить театр, на горизонте не было; несмотря на более чем почтенный возраст, смену Юрий Петрович готовил актерам, но никак не себе.

Вопреки прогнозам, повсеместно и громогласно сделанным Юрием Петровичем, а также якобы "диагнозам", озвученным людьми, в Театре на Таганке вряд ли часто бывавшими, труппа оказалась способной не только к выживанию, но и к дальнейшему творческому развитию. Появились новые спектакли, среди которых выделялись "Король умирает" Эжена Ионеско, поставленный знаменитым польским режиссером Кшиштофом Занусси, где свою последнюю главную роль сыграл Валерий Золотухин; постановка пьесы А.Н.Островского "На всякого мудреца довольно простоты", сделанная одним из лидеров режиссерского цеха Москвы Владимиром Мирзоевым, и другие. Получили большие возможности к самовыражению и артисты, некоторые из которых попробовали себя в режиссуре; в частности, Игорь Пехович представил свое видение трагедии "Моцарт и Сальери". Вениамин Смехов, покинувший Таганку, отнятую у Любимова, в 2013 году вернулся на Таганку, брошенную Любимовым, чтобы сделать новый спектакль по поэзии Е.А.Евтушенко; в 2015 году, уже после кончины Ю.П.Любимова, он поставил на той же сцене музыкально-политическое представление "Флейта-позвоночник" по стихам и письмам Владимира Маяковского. Ю.П.Любимов

вновь, как и в 1984 году, хотел доказать всем, что Театр на Таганке без него существовать не может и не сможет, но труппа, руководимая Валерием Золотухиным, а после его смерти - высокопрофессиональным директором Владимиром Флейшером, пришедшим из Центра Мейерхольда, а затем сменившей его Ириной Апексимовой, в спектаклях разных режиссеров доказала, что зря терялась в наименовании "любимовские актеры". Юрий Петрович на девяносто пятом году жизни стал своим давно выросшим детям мстить, многократно объявив, что посвящает им первый спектакль, поставленный им после ухода с Таганки, - напомним, поставил он "Бесов". Труппа Таганки Юрию Петровичу мстить не стала, и если у кого и был соблазн представить публике новую постановку пьесы А.Камю "Калигула" (несколько лет назад блестяще поставленной Андреем Житинкиным в Театре на Малой Бронной), то вслух подобные планы не озвучивались, и уж конечно не реализовывались.

В Театре были те, кто ждали его третьего пришествия, и на Таганку не был назначен главный режиссер. К сожалению, не появился он и после ухода Юрия Петровича из жизни в октябре 2014 года. Не появился у этого театра и свой беспристрастный историк, хотя книжек о Театре на Таганке выпущено немало. Важно не забывать, что руководителем актерского курса, составившего в 1964 году ядро труппы Театра на Таганке, был не Ю.П.Любимов, а видная актриса вахтанговского театра Анна Алексеевна Орочко (1898-1965), а сам Театр на Таганке существовал с 1946 года, причем первой премьерой на его сцене был спектакль по роману выдающегося писателя Василия Гроссмана "Народ бессмертен". Один из самых замечательных актеров Таганки Готлиб Михайлович Ронинсон (1916-1991) непрерывно работал в этом театре с 1946 года. Не был учеником Ю.П.Любимова и один из ведущих артистов Таганки Всеволод Соболев (сменивший Вениамина Смехова в роли Воланда в эпохальной постановке "Мастера и Маргариты"), окончивший Щепкинское училище и пришедший на Таганку еще до Любимова. Сегодня о возглавлявших Таганку в разное время Александре Константиновиче Плотникове (1903-1973) и Анатолии Васильевиче Эфросе (1925-1987) в Театре не напоминает практически ничего, что никак нельзя признать справедливым. Кстати говоря, и сам В.Б.Смехов, хоть и учился в том же Щукинском училище, курс которого составил костяк Театра на Таганке, окончил его на три года раньше, и был принят в Театр на Таганке все тем же А.К.Плотниковым в ноябре 1962 года. Другие вузы окончили и Валерий Золотухин (ГИТИС), и Владимир Высоцкий (Школу-студию МХАТ), и Николай Губенко (ВГИК), и Семен Фарада (вообще не имевший актерского образования). Естественно, многие годы совместной работы под руководством Любимова оказали огромное влияние на их творческий и жизненный путь, но говорить о том, что, вот, дескать, взял Юрий Петрович свой

курс, основал с ним театр, и эти ученики стали, как на подбор, "звездами", нельзя. И курс был не его, и театр уже существовал, и большинство звезд Таганки на этом курсе не учились.

Не был простым и период жизни Ю.П.Любимова в Израиле. Хотя он поставил два спектакля в Национальном театре "Габима" ("Доброму человеку из Сезуана" предшествовал "Закат" по пьесе Исаака Бабеля, выпущенный в августе 1986 года), а также приобрел квартиру в самом центре Иерусалима, на тихой улочке, непосредственно примыкающей к знаменитой гостинице "Царь Давид", в его отношении к Израилю доминировало чувство обиды от нереализованных возможностей. "Они мне голову морочили, а ничего конкретного не предлагали, - жаловался Ю.П.Любимов в одном интервью. - Я предлагал интересный план Академии имени Рубина - выпускать действительно подготовленных артистов, во всех областях. Там же есть факультет музыки, танцев, я им предлагал драматическое искусство. И даже начал преподавать". Но преподавание это продлилось недолго, мэтра не устраивало многое, начиная с установленной ему заработной платы. Не сложилась работа и в Хайфском театре, не удалось договориться о постановке и с тель-авивским театром "Гешер". Эмоционально Ю.П.Любимов сохранял к Земле Израиля самые добрые чувства: "Я часто вспоминаю необыкновенный город земли - Иерусалим, и всегда - с теплым чувством", - говорил он в одном интервью; "жаль, приезжаю сюда довольно редко", - добавлял в другом, рассказывая: "Переживаю за все теракты, за своих друзей и звоню всегда - живы ли, какое там настроение". И все же вердикт великого режиссера был - "здесь я гость", "работы для меня не оказалось"...

А.И.Солженицын, с которым Любимова многое связывало, и, кажется, еще больше будет связывать после смерти, в эпопее "Красное колесо" приписал Жоржу Дантону знаменитые слова "Революция подобна Сатурну: она пожирает своих детей". Юрий Петрович Любимов был человеком, дважды готовым уничтожить театр, который десятки лет возглавлял, но оба раза жажда жизни оказалась, к счастью, сильнее тяги к уничтожению. Любимов на десятилетия пережил нескольких своих ведущих актеров, прежде всего, Владимира Высоцкого и Леонида Филатова, но и без них, и без него Театр на Таганке продолжает радовать новыми спектаклями как москвичей, так и жителей городов, куда труппа приезжает на гастроли. Инкорпорирование в 2014 году в живую ткань Театра на Таганке новой команды так называемой "Группы юбилейного года" совсем не было простым, о недовольстве многих актеров неоднократно писали в печати, однако и этот конфликт был преодолен, и на Старой сцене Театра на Таганке места хватило всем. Юрий Петрович ушел, но Театр на Таганке продолжает жить, храня уважительную память о его достижениях, но не затушевывая и не ретушируя глянец прожитую Ю.П.Любимовым очень непростую жизнь.

Окончание. Начало на стр.4

же при выполнении этого условия к слиянию не готово. Вслед за периодом реформ наступила реакция, и убийство Александра II окончательно положило конец недолгой оттепели.

Прямым следствием насильственной смерти царя от рук революционеров, среди которых были и евреи, явилась серия жестоких еврейских погромов не только в "черте оседлости", но и во внутренних губерниях. Это нанесло сильнейший удар по ассимиляторам и привело к освобождению затуманенного сознания многих евреев, поверивших очередным лжепророкам. Отцы, державшиеся за старое народное зная и умолявшие детей "не сбрасывать с себя еврея", оказались правы, и прозревшие дети стали возвращаться к родным истокам, но уже в новом качестве - как повзрослевшие и повидавшие жизнь. Они не надели ермолку и не засели за фолианты, но задумались об исходе из страны погромов. Так замкнулся круг.

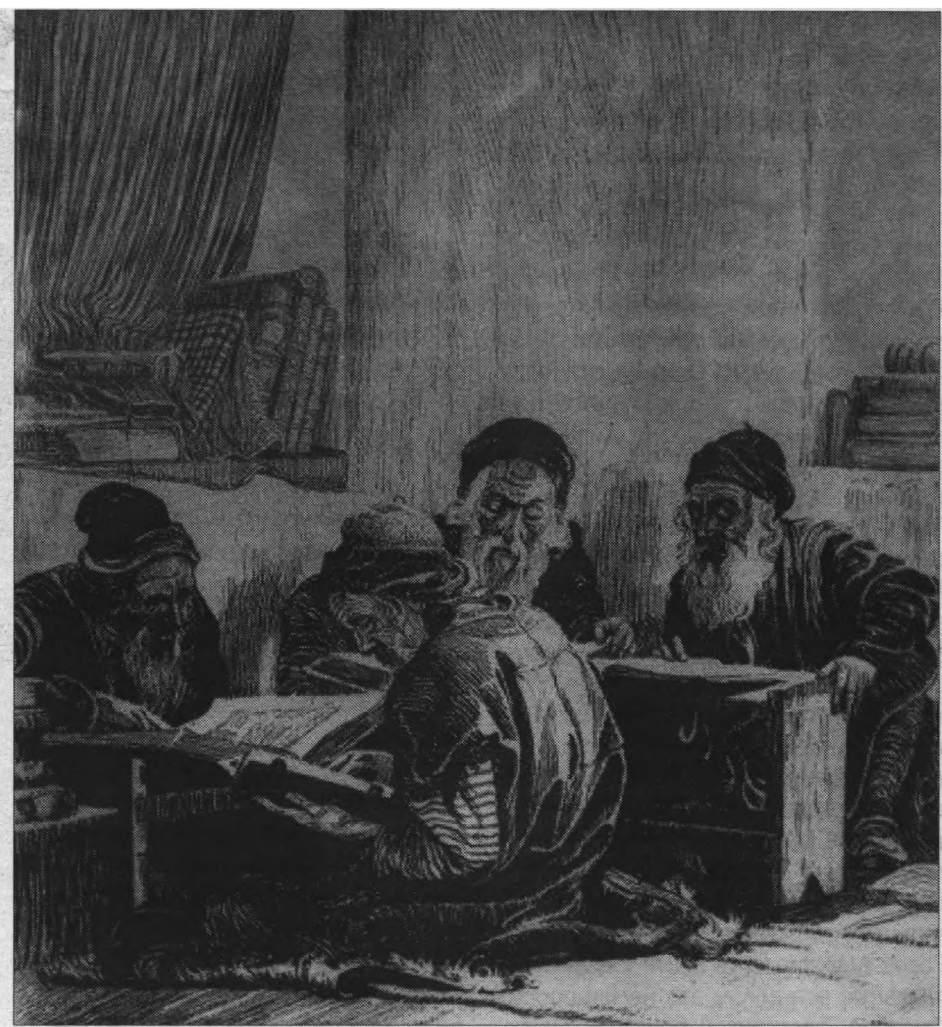
Вчерашние интеллигенты-ассимиляторы вдруг поняли, что судьба и у них, и у местечкового извозчика или сапожника одна. И уже оскорбленный в лучших чувствах, еще недавно бывший в эйфории Лев Леванда с горечью и разочарованием писал: "Когда серый народ громил евреев, белый народ (интеллигенция) стоял издали, любясь картиной моего разгрома". Зато евреи-революционеры, несмотря на то, что их русские товарищи оправдывали погромную стихию, видя в ней революционность русского народа, шли с фанатизмом неопитов освобождать этот народ. И мучительно переживала душевный разлад та часть еврейской интеллигенции, которая выбрала путь беззаветного служения России и не желала признать свое поражение. А в городках и местечках "черты" традиционная еврейская масса продолжала вести заповеданную предками жизнь, доказывая безверию, как трудно поколебать глубинные устои веры. Но мир за окном бурлил, и действительность бросала вызов, который не мог остаться без ответа.

Ответ патриархальному застою с одной стороны и ассимиляторам с другой попыталось дать вышедшее из недр Гаскалы движение палестинофилов. Оно объединило как разочарованных "просветителей", так и блудных еврейских сыновей, вернувшихся к своему народу. В 1882 г. один из разочарованных, известный общественный деятель Лев Пинскер призвал к автоэмансипации в противовес несостоявшейся полноценной эмансипации, и к восстановлению еврейского государства. Ему вторил писавший на иврите блестящий публицист Перец Смоленский. В его интерпретации национальная идея была неотделима от национального языка - иврита, и от национальной религии - иудаизма. Хотя Смоленский и другие палестинофилы рассматривали иудаизм не с религиозной точки зрения, а как культурную основу еврейства, они понимали, что без этой основы немыслимо национальное возрождение, ибо Сион - не столько географическое, сколько духовное понятие. Позднее это присущее палестинофилам четкое понимание во многом было утрачено сионистами-социалистами.

Эпоха реакции, наступившая с восшествием на престол Александра III, и новое ужесточение еврейского законодательства, предусматривавшего и пресловутую "процентную норму", подпитывали еврейское национальное движение. Но с другой стороны эти же причины готовили благотворную почву для роста революционных настроений, и еврейская молодежь пошла в революцию, которая обещала единение и братство всех угнетенных сразу же после свержения существующего строя. Иудаизм был для них суевением, сионистская идея утопией, и ушедшие в русские революционные партии молодые евреи были потеряны для народа. Классовая солидарность заменила национальное самосознание. Это была еще одна разновидность стремления к ассимиляции, и снова отцы оказались бессильны. То, что они могли противопоставить, - унылое существование местечка и жизнь по заповедям - не могло остановить рвавшихся к мнимой свободе детей. Увлеченные опасной мечтой, они не могли осознать, что в отцовских скрижалях и заключается истина, нужно только суметь применить их в новых условиях, стряхнуть пыль со священного наследия.

К началу XX в. в черте оседлости уже не три, а четыре фактора боролись между собой за душу еврея, и каждый стремился быть определяющим. В национальном лагере друг другу противостояли традиционные евреи и сионисты. Это была грустная картина, ибо к Святой земле тяготели обе стороны, но с точки зрения верующих еврейские массы не должны были подниматься в Страну Израиля до прихода Машиаха, и это расхождение было принципиальным. Через несколько десятилетий общины ожидавших Машиаха погибли в печах Холокоста и расстрельных рвах вместе со своими раввинами. Но возможность уехать была, и царское правительство, желавшее избавиться от евреев, поощряло эмиграционные настроения. Путь лежал в Америку, в "голдене медине", и десятки тысяч местечковых евреев воспользовались им, чтобы вырваться из "черты": повеление дожидаться Мессии на Америку не распространялось. Третьим фактором, набиравшим силу, были евреи-революционеры в русском революционном движении, а четвертым - успевшая возрасти на русской культуре, поредевшая после погромов, но все еще достаточно многочисленная прослойка стремящихся к ассимиляции выходцев из "черты оседлости".

Были и подфакторы: евреи, говорившие по-русски, но не утратившие национального самосознания и даже создавшие еврейскую литературу на русском языке, и еврейские социалисты, объединенные в Социал-демократический союз евреев Польши и Литвы - Бунд. Последние настаивали на принципе национальной культурной автономии для еврейского населения, говорящего на идиш, и в этом они расходились с русскими марксистами. Таким образом, отпавшими от еврейского корня являлись евреи-ассимилянты, влюбленные в русскую культуру "уни-зительной любовью свинопаса к царев-

не" (В.Жаботинский, "Речь к учителям"), и еврейские революционеры в составе не-еврейских социалистических партий. Все остальные, отличаясь друг от друга пристрастиями, языком и даже внешним видом, стояли на национальных позициях. Одни, их было большинство, хранили Завет и в тяжких условиях перенаселенности и бедности самоотверженно поддерживали огонь в очаге еврейского дома. Другие боролись, каждый за свою идею, постоянно вступая в спор и не находя общего языка.

После кишиневского погрома 1903 г. и сионисты, и бундовцы призвали к самообороне, но совместно не действовали, хотя социалистический Бунд являлся еврейской партией. Настолько сильны были идеологические расхождения. Показательным моментом был раскол в сионизме, вызванный "проектом Уганды", где шла речь о создании еврейского государства в Африке. На Шестом сионистском конгрессе в 1903 г. именно "русские" противостояли "европейцам" Герцлю и Зангвиллу, склонявшимся к этой идее. Для большей части вышедшего из недр ортодоксального еврейства первого поколения российских сионистов, сама мысль о том, что Сион может находиться в каком-то другом месте, кроме Иерусалима, была невозможна. Иудаизм, как идея, был частью их еврейской души. А вокруг бушевала революционная вакханалия, сопровождаемая погромами, и это была пляска на еврейской крови под лучезарные гимны о грядущем братстве народов. Евреи были заметным элементом в русской революции, но большинство еврейских революционеров были безразличны национальным сантиментам. Это была пустыня сердец, о которой писал великий еврейский поэт:

*Мезуза висит у дверей ваших криво,
В пустыне сердец ваших демоны пляшут,
К тщете увлекают вас
радостью лживой,
На празднестве буйном
знамёнами машут.*

*Неведомо вам, что таится в пустыне
Отчаянье - сторож, невидимый взору.
Хранитель отвергнутой вами святыни
Метлой он прогонит глумливую свору.*

*Тогда огонёк ваш последний потухнет,
И встанет разбитый
алтарь сиротливо,
И там, где ваш храм
опозоренный рухнет -
Там кошка в руинах завоет тоскливо.
Х.Н.Бялик, "Пустыня сердец",
пер. автора очерка*

Но историческая справедливость состояла в том, что именно русская революция принесла евреям свободу, и это был не бунт группы заговорщиков-экстремистов, а спонтанное народное восстание. К несчастью, свет появился на короткое время и очень быстро исчез. Закончилось существование "черты", ушел неповторимый еврейский мир, о котором мы вспоминаем теперь с романтической ностальгией. Не "черта", а еврейская религия хранила этот мир, и он рухнул, когда безбожная советская власть подточила его основу. Подточила, но полностью уничтожить не смогла. Не смогла отделить окончательно сердце народа от наполняющего его жизненной силой источника, как не смогли это сделать во времена "черты оседлости" увлекавшие народ в бездуховную пустыню отступники. Но это уже другая история.

РЕБЯТАМ НУЖНО БЫЛО ЗАКРИЧАТЬ: "СМЕРТЬ ЕВРЕЯМ!"

Юлия ДУДКИНА

Когда после "Снежной королевы" и "Аладдина" в школьном театре "Шекет" московской гимназии № 1540 решили поставить очередной спектакль, все ждали, что это будет привычная добрая сказка. Но уже на первой репетиции стало ясно, что на этот раз все сложнее. Это было произведение о еврейской театральной труппе 30-х годов. Пьеса называлась "Дрейфус".

"Мы начали читать по ролям, и в одной сцене нужно было закричать: "Смерть евреям!", - вспоминает режиссер Полина Касьянова. - Ребята сказали: "Ну как же так, мы не можем такое кричать". Тогда я предложила им пока произносить что-нибудь другое. Так что несколько репетиций подряд мы кричали вместо этой фразы всякую бессмыслицу. А потом ученики все-таки сумели войти в роль и произнести эти слова".

Если ты играешь в театре, иногда тебе приходится говорить со сцены ужасные вещи. Или кричать, петь и танцевать при всех, хотя на самом деле ты тихий и застенчивый. Полина усвоила это в девятом классе, когда играла старуху Хрюмину в "Горе от ума".

Поколение актеров

Театр в гимназии № 1540 начался с Нины Блох, учительницы русского языка и литературы. Она пришла работать в школу в 2006 году и стала ставить с учениками спектакли.

"Раньше она работала и в Казахстане, и в Израиле, и везде делала любительские постановки. Нина Александровна безумно любила театр и часто водила нас на разные спектакли, - рассказывает Полина Касьянова. - Для любительских постановок она сама адаптировала произведения и писала сценарии. Постепенно в гимназии появился свой театр, и она позвала меня туда играть".

Тогда, в восьмом классе, Полина была застенчивой и не могла подружиться со многими одноклассниками. Впервые выходить на сцену ей тоже было страшно. Но уже во время спектакля она забыла про свою панику и вспомнила, только когда занавес опустился. Впрочем, сейчас она уже не очень хорошо помнит свой первый спектакль: это было семь лет назад, и с тех пор Полина успела сыграть и в "Пигмалионе", и в "Птице-тройке" по мотивам гоголевских произведений. На репетициях она начала больше общаться с одноклассниками и постепенно перестала быть такой стеснительной. К одиннадцатому классу увлеклась режиссурой и начала сама ставить спектакли в "Шекете" наравне с Ниной Александровной - теперь в школьном театре было уже два режиссера. Сейчас Полине 20 лет, она давно окончила школу, но продолжает приходить в гимназию и репетировать уже с новыми учениками. Многие из них, как и она в свое время, приходят сюда, чтобы справиться со своей застенчивостью, а потом втягиваются в процесс.

"Я очень долго картавила, - вспоминает ученица гимназии Сима Гюласарян. - Да и вообще тихо говорила, стеснялась. Но потом пришла играть в театр и начала работать над собой: часами тренировалась выго-

Сцена из спектакля "Дрейфус"

варивать "р", и в итоге у меня получилось. Чтобы менять что-то в себе, нужна какая-то важная причина, цель. И тут я ее нашла".

Симина подруга Рита тоже сначала была замкнутой. Но потом в восьмом классе она пришла в "Шекет", когда там ставили комедийный спектакль по рассказам Зощенко. "Я должна была играть такую кокетливую буфетчицу, которая виляет всем телом, - говорит Рита. - А я не могла, приходила домой и рыдала. А потом мы с Полиной начали работать: делали всякие упражнения для раскрепощения, нужно было падать, бегать... И в итоге я как-то перестала всего бояться и теперь часто играю смешных, необычных персонажей".

"По-моему, Нина Александровна всегда специально приглашала в свой театр школьников, которым нужна была какая-то помощь, - рассуждает Полина. - Кто-то слишком стеснительный, и нужно помочь раскрепоститься, а кто-то, наоборот, задирает нос, и ему полезно научиться работать с одноклассниками на равных".

"Дрейфус"

В 2015 году Полина и Нина Александровна решили рискнуть и поставить не сказку, а серьезную пьесу - "Дрейфуса" Жана-Клода Грюмбера. Чтобы уложить большое произведение в 45 минут, текст пришлось сокращать и адаптировать. Этим занялась Ольга Варшавер - известная переводчица и мама одного из актеров. У "Дрейфуса" сложная структура - это "театр в театре", пьеса, рассказывающая о жизни актеров. "Надо было понять не только своего героя, но и как он понимает того, кого играет, - вспоминает Сима. - Очень легко было запутаться. Но в итоге, когда начинаешь в этом разбираться, сильнее привязываешься к своему герою, начинаешь по-настоящему его любить".

Участники школьного театра "Шекет" с премией "Скрипач на крыше"

1930-й год, Вильно. Группа еврейских ремесленников организовала любительский театр - местным жителям показывают легкомысленные комедии и мелодрамы. И вот однажды режиссеру приходит в голову довольно странная идея - поставить спектакль про капитана Дрейфуса, офицера французской армии, еврея по происхождению. В 1894 году его обвинили в предательстве родины, разжаловали и отправили в пожизненную ссылку, хотя он был ни в чем не виноват: преступление свалили на него, потому что в обществе царили антисемитские настроения, это было удобно. Режиссер любительского театра очень воодушевлен. Он считает историю капитана Дрейфуса острой и актуальной, но актеры репетируют неохотно. Им кажется, что этот сюжет давно устарел.

Они спрашивают режиссера: "Зачем ты заставляешь нас играть эту гадость?"

Он снова и снова объясняет: "Это спектакль о цивилизованной стране, где вдруг развернулась целая антисемитская кампания. Разделила страну на два враждебных лагеря и заставила забыть о здравом смысле и правосудии".

Но для ремесленников из любительского театра все это выглядит неубедительно: они еще не знают, что через 10 лет Европу накроет волна нацизма и история с Дрейфусом не просто повторится - погибнут миллионы людей. Да, уже сейчас на улицах случаются небольшие погромы, а антисемитски настроенные жители Вильно по ночам врываются в еврейские ремесленные лавки. Но ведь это еще ничего не значит.

Режиссеру так и не удастся поставить свой спектакль: актерам скучно, да и в родном городе становится небезопасно, так что они собирают вещи и разъезжаются кто куда. В последней сцене старики, которые решили остаться в Вильно, читают письмо от

Мишеля и Мириам - молодой пары, которая переехала в пока еще спокойный Берлин: "Кузен Вейс нашел им квартиру в еврейском квартале Берлина. Там много свободных квартир, работы, правда, маловато. Но они надеются на лучшее. Пишут, что немцы ведут себя с евреями вежливо. Все там умеют читать и писать, цивилизованная страна - что вы хотите?". В это время на заднем плане появляются Мишель и Мириам - на груди у обоих желтая звезда. Беда уже совсем рядом, но герои продолжают убеждать друг друга, что все будет в порядке.

Последний спектакль

Когда в "Шекете" только начинали работать над спектаклем, не всем школьникам было ясно, кто такой Дрейфус и что происходит на сцене. Но постепенно они поняли: это пьеса о том, что устаревших историй не бывает. Нужно знать и помнить о своем прошлом, чтобы не дать ему повториться. Никогда еще актеры из школьного театра не относились так серьезно к своим героям и спектаклям.

Пока ставили "Дрейфуса", Нина Александровна серьезно заболела и попала в больницу. Все актеры привыкли, что на каждой репетиции и спектакле она стоит за кулисами, следит, чтобы никто не забыл текст, и подсказывает. Теперь школьники начали суфлировать друг другу сами. Сложная пьеса, болезнь Нины Александровны - все это заставило их быстро повзрослеть.

В декабре школьный театр "Шекет" получил за "Дрейфуса" премию "Скрипач на крыше" - это награда, которую Федерация еврейских общин России вручает за вклад в развитие культурной и общественной жизни страны. На сцену Кремлевского дворца за статуэткой должны были вместе выходить Полина и Нина Александровна. Но в итоге вместе с Полиной пришли школьники-актеры: Нины Александровны к тому времени уже не стало.

Обычно "Шекет" показывал свои новые спектакли в конце учебного года и больше уже не повторял. Но в этот раз решили сделать исключение. В декабре 2016 года, через несколько дней после вручения премии, состав, который играл "Дрейфуса", собрался в актовом зале гимназии. Кто-то из учеников к тому времени уже окончил школу и поступил в институт, некоторые ушли в колледж после девятого класса. И все-таки они решили еще раз воссоединиться и сыграть свой самый сложный спектакль - в память об учительнице, которая когда-то научила всю школу любить театр.

Занавес открывается, на сцену выходят герои: Морис, Мишель, Арнольд, Цилия. Они постоянно шутят и переругиваются по пустякам - можно даже подумать, что это комедия. Но никому из зрителей не смешно - каждый понимает, что произойдет с этими персонажами через 10 лет. И, хотя школьники и выпускники гимназии № 1540 уже больше не будут играть "Дрейфуса", они теперь точно знают: история иногда повторяется, и ее не следует забывать. В конце концов, никогда ведь не знаешь, что ждет тебя завтра.

Mel.fm

Владимир ЛАЗАРИС

15.06.2005

Только в Израиле: из года в год тысячи людей из разных стран мира пишут письма Господу Богу и отправляют их в Израиль в надежде, что послания дойдут до адресата.

Почтовое управление заявило, что все письма Всевышнему будут уложены между камнями Западной стены Иерусалимского Храма (Стены плача), ибо она надежнее любых почтовых ящиков для передачи информации в заоблачные сферы.

16.06.2005

Журналисты провели телефонный опрос депутатов кнессета, поинтересовавшись, известна ли слугам народа стоимость батона хлеба.

Депутаты были смущены: одни бурчали, что они сейчас заняты, другие говорили, что не помнят, а третьи, прикрыв рукой трубку, спрашивали секретарш, сколько стоит хлеб.

Только один депутат сказал без всяких уверток: "Я не знаю. Но, если хотите, спрошу у шофера. Потому что, если бы я знал, сколько стоит хлеб, я сам был бы шофером".

30.09.2005

Читаю вторую часть биографии Ариэля Шарона под названием "Пастух" (первая называлась "Воин"). Что же нового оттуда можно узнать? Шарон был средним учеником. Не играл в футбол. Не был заводилой. Всегда любил поесть, и с едой связан недурной эпизод. Двадцать лет назад в Нью-Йорке Шарон с женой обедали в дорогом ресторане. Когда он попросил счет, официант сказал, что их обед уже оплачен "вон тем господином".

Шарон пошел поблагодарить и узнать, чем вызван широкий жест. Оказалось, этот человек когда-то служил под его началом, и Шарон с его феноменальной памятью тут же вспомнил своего солдата. И ни с того ни с сего спросил: "А вот когда у меня копченую колбасу кто-то спер, я подумал на тебя. Это был не ты?".

И бывший солдат побледнел и признался: "Я. И решил возместить колбасу, оплатив вам обед".

08.10.2005

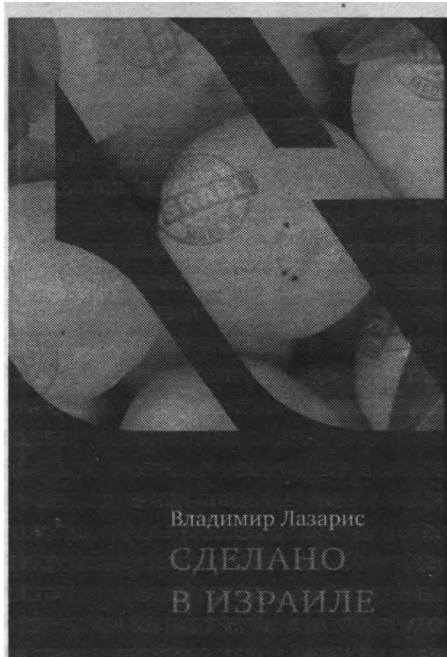
Какая-то турфирма устроила экскурсию в Тель-Авиве по местам политических убийств. Само собой, маршрут начинается с площади Рабина, потом экскурсантов ведут к северной части взморья, где в 1933 году неизвестные убили Хаима Арлозорова, а затем возвращаются в тот дворик, где в 1957-м застрелили Рудольфа (Исраэля) Кастнера, обвиненного в сотрудничестве с нацистами.

Интересно, что все трое в разное время входили в руководство Рабочей партии, тогда как об убийствах ее политических противников экскурсантам не говорят ни слова. А ведь в южном Тель-Авиве все еще цела квартира на последнем этаже, где англичанами был застрелен леген-

СДЕЛАНО В ИЗРАИЛЕ

В книге "Сделано в Израиле" смешано много жанров: сугубо дневниковые записи соседствуют с военными репортажами, стихами и афоризмами, литературные и телевизионные рецензии - с некрологами и эпитафиями, переводы с иврита и английского языка - с откликами на злобу дня. И все это превращается в портрет Израйля в натуральную величину.

Книга выпущена издательством "Книжники" в Москве в 2017 г. в "Чейсовской коллекции". Мы публикуем несколько отрывков из нее

дарный командир ЛЕХИ Авраам "Яир" Штерн. Если же кто-то возразит, что, мол, англичане не в счет, так как экскурсия посвящена убийствам евреями друг друга, мы предложим выйти на тель-авивскую набережную, к скромному мемориалу на том месте, где по приказу Бен-Гуриона был расстрелян из пушки и потоплен корабль "Альталена", груженный оружием для подпольщиков.

А возможно, желающим будет интересен рассказ о самых смачных страницах истории местного уголовного мира, представители которого наломали немало дров в Тель-Авиве и Яффо. Кстати, в Лондоне один из самых популярных туристических маршрутов - след Джека потрошителя.

18.10.2005

В газете "Гаарец" время от времени публикуются старые письма. Одно из них, написанное на иврите и датированное 1937 годом, было отправлено жительницей Украины Ривкой Крамер начальнику иерусалимской полиции. Мать просит сообщить о здоровье сына - полицейского Шломо Крамера, служившего в участке у Яффских ворот и раненного во время арабского теракта.

"Поскольку его фамилия была в списке раненых, - пишет Ривка Крамер, - я обращалась к кому могла, но не получила ответа, и нет мне покоя. Напишите мне о сыне и, пожалуйста, пришлите ответ на иврите, потому что здесь никто не знает английского, а иврит все же один из официаль-

ных языков Палестины".

Это письмо сохранилось в семейном архиве внучки Ривки Крамер. К нему сделана приписка на английском языке начальником иерусалимской полиции: "Крамер, ответь матери!".

Полицейский Шломо Крамер ответил и успокоил мать. Несколько лет спустя украинцы убили ее вместе со всей семьей.

26.10.2005

Жили-были в Тель-Авиве три друга: драматург Нисим Алони, художник Йосл Бергнер и рыжеусый поэт Исраэль Хар. И вот, чтобы подначить друга, художник сказал поэту: "А слабо тебе сбрить усы и подарить нам с Нисимом по штучке?" Все посмеялись и забыли.

Но несколько недель спустя Бергнер и Алони получили по почте конверты, в каждом из которых лежал рыжий ус. Бергнер в ужасе сжег подарок, а Алони положил в коробочку и много лет спустя на вопрос друга-поэта, как поживает его ус, ответил: "А что ему делается? Живет себе, отдыхает, а по ночам выходит погулять".

Алони определенно читал Гоголя, из чьей "Шинели" вышла не только русская литература.

30.11.2005

Вышел учебно-воспитательный телефильм о Бен-Гурионе, приуроченный к очередной годовщине резолюции ООН о разделе Палестины. Телекритик газеты "Маарив" написал: "Фильм, конечно, дрянной, но шикарный сюжет: как хитроумные евреи добились своего государства!".

13.12.2005

В будущем году в этот день исполнится 150 лет со дня смерти Гейне. А в тель-авивскую городскую библиотеку, где эту дату отмечают ежегодно со всякими придумками, пригласили шеф-повара, чтобы сопровождать чтение стихов Гейне поеданием его любимого чолнта.

Не помню точную цитату, но Гейне сказал Всевышнему, что не хочет отягощать Его просьбами, ибо ему надо совсем мало: кусок хлеба с маслом, немного денег и домик с садиком, где прямо под окном будет большой дуб. Этого, добавил Гейне, ему вполне хватит. Ну а если Всевышний повесит на этом дубе пять-шесть его врагов, он будет просто счастлив.

28.01.2006

По следам экранизации "Мастера и Маргариты" несколько слов о транскрипции прозвища Иуды из Кириафа. Ни один израильтянин не догадается, что такое Кириаф, потому что подобного топонима не было и в помине. А что же было? Был Йехуда Иш-крайот. То есть человек из предместья, поскольку слово кирия (единственное число от крайот) может означать и предместье, и городок, и большой квартал внутри города, который, к примеру, существует в Тель-Авиве под таким названием. К северу от Хайфы расположены три городка-спутника, которые в совокупности называются Крайот. В древности такие же поселения были под Иерусалимом. В синодальном переводе "из Кириафа" звучит как Искарот, что фонетически гораздо ближе к Иш-крайот.

Среди прочих глупостей, которые понаделали шепелявые греки - переводчики Библии, мой любимый пример - Саваоф. Русский человек уверен, что это одно из имен Бога, тогда как в оригинале написано цаоф, то есть "воинства". Говоря современным языком, армии.

24.02.2006

Выставка ста пяти еврейских художников в "Яд ва-Шем" под общим названием "Изгнание с Монпарнаса". Сколько никому не ведомых имен, сколько загубленных талантов, сколько прекрасных картин!

Они ехали в Париж со всего мира - из России, с Украины, из Белоруссии, Чехословакии, Швейцарии, Германии, Литвы. Мужчины и женщины, которых объединяли еврейское происхождение и желание жить и работать в мекке мира искусств того времени. Они жили в одной коммуналке с великими, а некоторые сами успели стать таковыми (две картины Сутина и его портреты работы Модильяни). Но по большей части даже те из них, кто был известен в довоенное время, исчезли из истории искусств после войны.

Этих художников объединяло и еще одно: последняя строчка в биографии, где местом смерти значатся Освенцим, Майданек, Трелинка.

Многие художники-французы, отлично знавшие изгнанников с Монпарнаса, которых гестапо арестовало и депортировало в лагеря, не только не стали устраивать коллективный протест, но открыто радовались, что им достались студии исчезнувших евреев.

06.03.2006

В витрине филладельфийской фирмы вывешено объявление: "Мы предпочитаем иметь дело с тысячей арабских террористов, нежели с одним евреем".

Казалось бы, Америка должна кипеть и бурлить, блокировать здание фирмы пикетами и демонстрациями. Но посмотрите, как она называется, и вы все поймете: "Похоронная контора Голдберга".

16.03.2006

Старейшему редактору старейшей в Израиле газеты на идише "Лецтэ найес"

(Последние новости) Мордехаю Цанину исполнилось сто лет. На вопрос о главной сенсации в его газете Цанин ответил: "Сенсация в том, что идиш еще жив".

Лет эдак через десять что-нибудь в этом роде скажет редактор последней газеты на русском языке.

22.03.2006

Международный день воды. Израиль потребляет в год 2 миллиарда кубов, из которых 1,2 миллиарда идет на сельское хозяйство, 700 миллионов - для частного потребления, а остальное использует промышленность. Средний расход воды на душу населения - 120 кубов в год.

Хотя воды в Израиле мало и главный водоем доставляет множество хлопот, засухи никто не опасается. В 60-е годы ходила шутка о покойном главе правительства Леви Эшколе, к которому прибежали фермеры с криками: "Засуха!". - "Где?" - испугался Эшколь. "В Негеве". - "Слава богу!" - облегченно сказал Эшколь. - А я уж решил, что в Америке..."

08.04.2006

В этом году одним из лауреатов государственной премии за дело всей жизни стал 90-летний американский еврей Адольф (Ал) Швиммер, заложивший основы израильских ВВС и авиаконцерна "Таасия а-авириг".

В 1947 году при его активном участии в Израиль приехали добровольцами летчики-евреи, и тот же неутомимый Швиммер организовал угон (!) четырех бомбардировщиков "В-17" из Америки в Израиль. За это его арестовали, судили по обвинению в измене родине и приговорили... к штрафу и лишению гражданских прав. Только в 2000 году президент Клинтон помиловал Швиммера и восстановил его в правах.

11.04.2006

Эхуд Ольмерт официально стал премьер-министром, что сразу отразилось на карьере его жены-художницы. На аукционе ее весьма посредственные работы продаются вместе с... Рембрандтом. Раньше картины Ализы Ольмерт стоили по 3 тысячи долларов. Но стоило ее мужу занять премьерский пост, как цена выросла вчетверо.

Из воспоминаний бывшего бойца ЭЦЕЛа выясняется, что религиозный истеблишмент считал чуть ли не злодеями тех, кто осмеливался воевать с англичанами. За таких евреев не молились, в то время как во всех синагогах ежедневно возносились молитвы за здоровье английского короля Георга V, папеньки нынешней королевы.

Ко дню рождения Шекспира на фоне давних споров о том, кто скрывается за этой фамилией и был ли вообще такой драматург, всплыло суждение английского литератора Джеймса Фрисвелла, написавшего в 1864 году о знаменитом шекспировском портрете: "Мы не можем себе

представить нашего национального английского поэта смуглым, тяжеловесным, с жидкими курчавыми волосами, каким-то похотливым ртом, чужеродного вида, с явно еврейскими чертами лица".

24.04.2006

Израильско-американский фильм 1950 года о еврейских детях из концлагерей, добравшихся до Эрец-Исраэль, где арабы забросали камнями их автобус.

В автобус вошел улыбчивый инструктор, но его встретила гробовая тишина. Дети неподвижно, молча сидели на своих местах. И вдруг один мальчик вскочил и закричал: "Верните нас назад! Нас тут убьют!".

14.05.2006

К 150-летию со дня рождения Фрейда оказалось, что в Израиле все больше желающих стать психоаналитиками и все меньше желающих пользоваться их услугами.

Фрейд, искавший корни и причины всего на свете, лишь однажды изменил своему правилу. В 1927 году он написал Арнольду Цвейгу: "Что касается антисемитизма, то я не имею ни малейшего желания искать ему объяснение. В этом вопросе меня сильнее всего тянет поддаться эмоциям, и мне все больше кажется, будто я получил совершенно ненаучное подтверждение того, что в большинстве своем человечество есть не что иное, как ничтожный и жалкий сброд".

Если бы Фрейд не умер в 1939 году, он получил бы еще и научное подтверждение.

30.06.2006

Израильские фальшивомонетчики успешно подделывали самые разные купюры и монеты, но с пятишкелевой монетой у них вышел конфуз: внутри герба они забыли написать слово "Израиль". Как говаривали когда-то в полиции: "Какая организованная преступность может быть при нашем бардаке?"

02.01.2007

В возрасте 95 лет скончался первый и легендарный мэр объединенного Иерусалима Тедди Колек, занимавший свой пост без малого тридцать лет.

Колек, которого все знали по имени и даже городской стадион называли "Тедди", добился невозможного: он превратил Иерусалим в одну из крупнейших мировых столиц, из года в год отыскивая на это миллионы долларов. Колеку никто не отказывал, потому что, по словам мэра Нью-Йорка Эда Коча, он был мэром всех мэров. На языке мафии это звучит как "капо ди тутти капи", и даже крупнейшие американские гангстеры-евреи во время Войны за Независимость давали Колеку деньги на нужды еврейского государства.

Музей Израиля и Иерусалимский театр, колоссальное строительство жилья, рост гостиничной и туристической индустрии, реставрация старинных кварталов

- всем этим Иерусалим обязан Колеку. Они не существовали друг без друга.

Закат Колека начался в ту минуту, когда в 1993 году его сменил на посту Эхуд Ольмерт. С той же минуты начался и закат Иерусалима, у которого появился новый мэр, но больше не было отца города.

Есть Иерусалим небесный и земной, Иерусалим верхний и нижний, Иерусалим Западный и Восточный. Но о каком бы Иерусалиме ни говорили люди, они обязательно вспомнят Тедди Колека. Результаты его труда видны в Иерусалиме буквально на каждом шагу.

16.01.2007

Из воспоминаний бывшего узника Освенцима. По дороге в лагерь в битком набитом вагоне для скота молодой человек попросил соседей прочесть вместе с ним кадиш по отцу. "Я вам за это дам хлеба", - пообещал он и вытащил спрятанные на теле куски. Евреи согласились. Прочли кадиш и принялись за хлеб. Автор воспоминаний спросил: "А когда и где умер ваш отец?" и услышал в ответ: "Пять минут назад. Мы на нем стоим".

22.01.2007

Чтобы никто не сомневался, что в любом Содоме есть праведники, "Яд ва-Шем" опубликовал статистику Праведников народов мира (общее число - 21 тысяча человек), из которой следует, что первое место занимает Польша. Притом что по всей стране нацистами была развернута сеть лагерей для уничтожения евреев и население с радостью принимало в этом участие, тем не менее в Польше было больше всего людей, спасавших евреев. 5733 человека.

На втором месте идет Голландия, где ни создание вспомогательных батальонов СС из местных добровольцев, ни донос в гестапо на Анну Франк не отменяют того факта, что 4513 голландцев рисковали жизнью, спасая евреев.

Замыкает тройку вишистская Франция, которая во всех смыслах слова легла под нацистов. Там были и облавы на евреев, и отправка их в концлагеря, но и при этом нашлись 2262 француза, которые не повели, что евреи хуже других людей.

04.08.2007

В будущем году Израилу исполнится шестьдесят лет. Смешной возраст для страны на фоне мировых старожил. Казалась бы, у нас все должно быть молодо и ново. Если же посмотреть на страну глазами профессионального западного градостроителя, выяснится печальный факт: большинство городов безнадежно состарилось и требует реконструкции. Все эти облезлые и ободранные трехэтажки для новых репатриантов со всего света, убогие кварталы с налепленными друг против друга домишками вызывают ощущение заброшенности и забвения.

Понатыканные в центрах уродцы из стекла и бетона не меняют общей картины и даже ухудшают ее. Особенно ярко это видно в Тель-Авиве, который по реше-

нию ЮНЕСКО был включен в Фонд мирового культурного наследия, как музей Баухаус под открытым небом. В каком обветшалом и аварийном состоянии находятся бывшие пионерские творения еврейских архитекторов, бежавших из Германии! Но никому нет дела до умирания первого еврейского города в новейшей истории, которому в будущем году исполнится сто лет.

Во что только не вкладывают деньги наши миллиардеры, в том числе в строительство по всему земному шару. И только в своей стране израильскими миллиардерам до сих пор не пришло в голову снести все это старье и с помощью талантливых архитекторов и градостроителей начать все сначала. Если уж немцы и поляки после войны заново отстроили полностью уничтоженные города - и как отстроили! - то неужели у евреев не хватит ума и денег, чтобы покончить не только с политическим, но и с архитектурным наследием 50-х годов?

08.10.2007

Израильский миллионер установил вознаграждение в четверть миллиона шекелей тому, кто подаст идею, как сделать израильтян воспитанным и вежливым народом. Какое все же нахальство: Всевышнего наши манеры вполне устраивают, а какого-то паршивого миллионера нет!

01.02.2016

Новый опрос ОБСЕ выявил, казалось бы, странную вещь: зажатый в террористические клещи Израиль, занимающий второе в мире по числу граждан, живущих за чертой бедности, с его налоговым бременем, невыносимо высокими ценами на жилье и продукты, торжествующей коррупцией и правящей бюрократией, низкой производительностью труда и зависимостью от иностранных рабочих, отсталой инфраструктурой, канализацией XIX века, недоразвитой системой образования и полуживой наукой тем не менее поддерживает экономическую стабильность. А главное, израильтяне довольны жизнью.

- Вы довольны? - спрашивают израильтяне.

- Мы довольны, - отвечают они.

Во-первых, какое дело посторонним людям, доволен ты или нет.

Во-вторых, зачем говорить, что ты недоволен, когда можно сказать, что доволен.

В-третьих, почему бы в самом деле не быть довольным жизнью, если люди здоровы, окружены детьми, родственниками, друзьями и домашними животными, работают, устроены, одеты-обуты и сыты, регулярно меняют машину и раз в год ездят за границу. На вопрос "Как дела?" отвечают: "Все в порядке".

Так что никаких признаков национальной шизофрении в опросе нет. Вот еще один пример того, что двухтысячелетняя вакцина оптимизма с припевом "В будущем году в Иерусалиме!" сделала свое дело.

Вы довольны? Мы довольны.

ОНА ПИСАЛА ПОЧЕРКОМ ЭПОХИ

Случается так: поэта уже давно нет в живых, а стихи его только начинают жить полной жизнью. Сказанное можно отнести к творческому наследию поэтессы Елены Михайловны Ширман, трагически погибшей от рук гитлеровских солдат 75 лет назад, в огненном 1942-м.

Елена появилась на свет 3 февраля 1908 г. в Ростове-на-Дону. Ее отец был штурманом, плавал на Азовском и Черном морях, впоследствии стал служащим. Мать учительствовала, затем работала в музеях. Лена с детства сочиняла стихи, увлекалась рисованием, занималась спортом. Любовь к книгам, к литературе привела ее в библиотечный техникум. С шестнадцати лет она начала публиковаться - в ростовских, а потом и в московских изданиях ("Октябрь", "Смена" и других). В 1933 г. окончила литературный факультет Ростовского пединститута, работала в библиотеке, занималась культурно-просветительской деятельностью, собирала и обрабатывала образцы народного творчества. И все это время не переставала создавать поэтические произведения.

В 1937 г. Елена Ширман поступила в Литературный институт им. Горького и последующие четыре года посещала творческий семинар поэта Ильи Сельвинского. Одновременно с учебой сотрудничала с несколькими редакциями, была литературным консультантом детской газеты, а также корреспондентом районного издания на Дону. Ее имя упоминается в одном из писем Михаила Шолохова. С начала Великой Отечественной войны Елена Ширман заступила на должность редактора выходившей в Ростове газеты "Прямой наводкой". Там печатались ее боевые антигитлеровские стихотворения, а также - резкие и язвительные заметки. Она готовила агитационные листовки и открытки. "Я познакомилась с Леной, когда в 1939 г. поступила в Литинститут, - рассказывает в своих воспоминаниях литератор Руфь Тамарина. - Женщин, писавших стихи, в ту предвоенную пору в Литинституте было очень немного. Мы подружились, несмотря на большую разницу в возрасте - мне было 18, а ей - 30 лет... Ее собственные произведения, честно говоря, казались мне тогда излишне сложными. Со всей юной самонадеянностью (а самонадеянность весьма часто соседствует с невежеством, и это был как раз мой случай) я советовала: "Пиши проще, понятней, доходчивей...". Как это ни странно, Лена выслушивала мои советы без раздражения и обиды..." А вот еще один штрих к портрету Елены Ширман - из воспоминаний работавшего с ней вместе Иосифа Гегузина: "С младшими по возрасту коллегами она спорила на равных. Мы знали, что она пишет стихи, но в печати они появлялись редко. Ну а журналистская ее работа была у всех на виду. Она любила командировки, вернувшись, охотно делилась своими впечатлениями, и нетрудно было заметить, что во время этих рассказов уже складывались ее будущие корреспонденции. Писала она быстро, не замечая обычной

редакционной сутолоки. Только изредка кто-то из старожилов произносил: "Тихо! Лена выдает..."

В один из летних дней 1942 г. в составе выездной редакции ростовской газеты "Молот", Елена Ширман в станице Ремонтной была схвачена нацистскими оккупантами. При ней находились редакционные материалы, в том числе - свежие карикатуры и сатирические стихи. Подробности героической гибели талантливой журналистки и поэтессы стали известны лишь через 20 лет - из свидетельств хозяйки дома, где Елену арестовали и человека, видевшего, как Елену допрашивали. К слову, человеку этому удалось спасти и сохранить дневник Елены Ширман, отобранный у нее при обыске. Немцам было известно ее имя, и они дали волю звериной злобе и ненависти. На глазах Елены были расстреляны попавшие в лапы палачей ее родители, а саму эту женщину, которая держалась гордо и мужественно, раздели догола и заставили рыть себе могилу.

О жизни и гибели Елены Ширман рассказано в повести Татьяны Комаровой "Старости у меня не будет...", выпущенной в 1967 г. Ростовским книжным издательством. Произведение снабжено послесловием Ильи Львовича Сельвинского, где он написал о поэзии своей ученицы: "Она широка и отважна... Перед нами - замечательный поэт, сочетающий в себе философский ум с огромным темпераментом и

обладающий при этом почерком, имя которого - эпоха". В 1942 г. был издан стихотворный сборник Елены Ширман "Бойцу Н-ской части", а в 1969-м в издательстве "Советский писатель" увидела свет посмертная книга Ширман "Жить!" - скромным тиражом в десять тысяч экземпляров. Ныне стихи Елены Михайловны возвращаются из фактического небытия - к новым читателям, открывающим для себя неизвестное ранее имя. Это хотя и позднее, но признание, которого даровитый автор, несомненно, заслуживает.

Из поэзии Елены Ширман

Живу

Я живу без тебя.
В неуютной квартире.
Среди шумных соседей
и облупленных стен.
Я одна в этом плохо
проветренном мире.
Это быт. Это дом. А похоже на плен.
Я взбираюсь под утро на подоконник,
Прижимаюсь к стеклу и царапаю мел.
Я старею - от слез,
от свирепых бессонниц,
От неконченных писем,
стихов и новелл.
Это трудно.
Но все это мне только снится.
Мир совсем не такой,
если снять мишуру,

Если вспомнить пронзенные
солнцем ресницы.
Ты со мной. Ты во мне. Я с тобой говорю.
Ты меня не ругаешь
за отсутствие пудры,
За немодные платья, за мечты о тебе...
Ты меня понимаешь, спокойный и мудрый
(Не такой, как в Полтаве,
а как был на Лабее).
Улыбаются умные, добрые губы,
Светло-русыя прядь закрывает висок.
Я тебе называю: "Аэро, любимый..."
Ты меня - полушепотом: "Еленок..."
И становится мир и просторным,
и светлым.
Ты мне волосы гладишь
Не во сне. Наяву.
Мы стоим над обрывом.
От холодного ветра
Ты меня защищаешь.
Потому я живу.

Из поэмы
"Невозможно"

Разве можно взъерошенной
мне истлеть,
Неуемное тело бревном уложить?
Если все мои двадцать корявых лет,
Как живые деревья твердят: жить!

Если каждая нить на моей башке
К солнцу по-своему тянется,
Если каждая жилка бежит по руке
Неутомимым танцем!

Жить! Изорваться ветрами в клочки,
Жаркими листьями наземь сыпаться!
Только бы слышать артерий толчки,
Гнутья от боли, от ярости дыбиться.

Ненайденному
адресату

Писать тебе. Писать всю ночь. И знать,
Что голос мой тебе не нужен,
Что день твой мал и до минут загружен,
И некогда тебе стихи мои читать.

И все-таки писать.
И думать - вероятно,
Ты переехал, ты уже не там,
И дом не тот и улица не та,
И мой конверт ко мне придет обратно,

И буду почерк свой в тоске не узнавать,
И, запинаясь,
ставить знаки препинанья,
И буквы обводить,
и плакать - от сознанья,
Что не найду тебя.
И все-таки опять,
Весь день,
всю ночь - пускай бесцельно это -
Я не могу не ожидать ответа.
Всегда, всю жизнь не в силах променять
Ни на какие сытые забавы,
Голодное, но радостное право -
Мечтать, надеяться и безнадежно ждать.

Истлеет лист. Умрут слова и даты,
Но звезды, замыслы и бытие само
Останутся, как вечное письмо
Тебе - ненайденному адресату.